

KING COUNTY LIBRARY SYSTEM

31000038873199

Н. А. Власов

par
vUS
libellus

ОТТО ФОН БИСМАРК

ПУТЬ К ВЕРШИНАМ ВЛАСТИ

е в р а з и я

Н. А. Власов

ОТТО ФОН БИСМАРК
Путь к вершинам власти

Санкт-Петербург
2019

ББК 63.3(0)5
УДК 94(430)074
В 58

Власов Н. А.

В 58 Отто фон Бисмарк. Путь к вершинам власти. — СПб.: «Евразия», 2019. — 128 с.

ISBN 978-5-8071-0436-6

Отто фон Бисмарк (1815–1898) являлся, безусловно, одним из самых выдающихся государственных деятелей в мировой истории. Большой интерес представляет, однако, не только его деятельность на посту главы прусского (а затем германского) правительства, но и вопрос о том, как ему удалось пробиться к высотам власти. Казалось, никаких шансов у него нет: небогатый, не слишком родовитый, не пожелавший делать карьеру на государственной службе и удалившийся в свое небольшое поместье, он к тридцати годам выглядел совершенным типом разочарованного в жизни неудачника. Однако следующие два десятилетия его жизни оказались заполнены тяжелой, напряженной, изобиловавшей драматическими поворотами, но в конечном счете исключительно успешной борьбой за власть. Что помогло ему победить в этой борьбе? Ответу на этот вопрос и посвящена данная книга.

© Власов Н. А., текст, 2019
© Юрченко К. А., дизайн обложки, 2019
© Оформление, ООО «Издательство
«Евразия», 2019

Предисловие

«История мира состоит из биографий великих людей», — сказал выдающийся британский мыслитель XIX века Томас Карлейль. Редкий историк сегодня согласится с этой фразой; однако в то же время вряд ли кто-либо будет всерьез утверждать, что выдающиеся деятели играют в жизни человечества лишь незначительную роль. К их биографиям по-прежнему прикован интерес как профессиональных ученых, так и широкой публики. Ведь жизнь замечательных людей таит в себе ответ не только на глобальный вопрос о роли личности в истории. Читая биографии, мы пытаемся вывести у героев минувших эпох секреты их успеха, извлечь ценные уроки, понять, что подвластно нам самим в нашей жизни.

Жизнь Отто фон Бисмарка, создателя и «железного канцлера» Германской империи, дает богатый материал для подобного рода размышлений. Один из самых

известных биографов Бисмарка, Джонатан Стейнберг, назвал своего героя «магом власти». И действительно — жизнь «железного канцлера» была наполнена тяжелой, напряженной, изобиловавшей драматическими поворотами, но в конечном счете исключительно успешной борьбой за власть, в результате которой Бисмарк стал одним из самых могущественных людей тогдашнего мира.

Как ему это удалось? Что позволило небогатому провинциальному дворянину подняться к самой вершине политического Олимпа? Ответу на этот вопрос и посвящена данная книга.

Обыкновенная история

Будущий объединитель Германии не относился к числу тех людей, про которых говорят, что блестящая карьера была положена им в колыбель. Более того, в первые тридцать лет своей жизни он не подавал вообще никаких серьезных надежд на то, что в дальнейшем из него выйдет хоть сколько-нибудь значимый государственный деятель.

Отто Эдуард Леопольд фон Бисмарк-Шёнхаузен появился на свет 1 апреля 1815 года. Его отец, Фердинанд фон Бисмарк, был типичным сельским юнкером, каких насчитывалось много в тогдашнем Прусском королевстве. Дворянство считалось в Пруссии главной опорой трона, однако времена его расцвета уже остались позади. Некогда большие имения приходилось делить между множеством потомков, отмена крепостного права лишила помещиков гарантированной рабочей силы,

колебания цен на хлебном рынке грозили им разорением, а поднимающаяся буржуазия составляла серьезную конкуренцию в борьбе за власть и влияние.

Не из дворянской семьи происходила мать Бисмарка, Луиза-Вильгельмина, в девичестве Менкен. Ее отец был одним из ближайших советников Фридриха Великого и делал блестящую политическую карьеру, которую, однако, прервала сравнительно ранняя (в 49 лет) смерть. Это трагическое событие вынудило одаренную и амбициозную девушку выйти замуж за провинциального увальня. Итогом стал типичный мезальянс, и родившиеся в этом браке дети не могли не ощутить на себе его последствия.

Казалось бы, наличие умной, одаренной и амбициозной матери должно было пойти на пользу ее второму сыну. Действительно, Луиза-Вильгельмина поставила целью сделать из Отто выдающегося государственного деятеля, достойного преемника своего деда. Проблема заключалась в том, что мальчику не хватало материнского тепла и заботы. «Мать была для детей, даже своих собственных, чужим человеком. В моих воспоминаниях она осталась холодной

женщиной, мало интересующейся окружающими ее людьми», — вспоминала впоследствии одна из родственниц. Соответственно, и Отто относился к своей матери без малейшей теплоты. Он не испытывал к ней никаких сыновних чувств, и даже ее смерть много лет спустя воспринял скорее с безразличием.

Первые годы жизни будущий «железный канцлер» провел в сельской глубинке, однако, когда ему исполнилось семь лет, родители отправили его в интернат Пламманна в Берлине. По своему характеру это учебное заведение напоминало скорее кадетский корпус, и сам Бисмарк впоследствии сравнивал его с исправительным домом. В дальнейшем Отто обучался в берлинских гимназиях и в семнадцать лет успешно сдал экзамены на аттестат зрелости. Впрочем, он не принадлежал к числу лучших учеников и не проявлял интереса к целому ряду предметов.

Следующим этапом стало обучение в университете. Вернее, в двух университетах — сначала в Геттингене, а затем в Берлине, что было совершенно нормальным для тех лет. Вопросов по поводу

выбора направления не было изначально — для тех, кто хотел делать карьеру на государственной службе, обязательным считалось изучение юриспруденции. Рассказывать о содержании и качестве учебных программ в немецких университетах того времени нет особого смысла, поскольку молодого Отто они совершенно не интересовали. Он с головой окунулся бурную студенческую жизнь, дрался на дуэлях, кутил, пускался во всевозможные авантюры. Ему удалось достаточно быстро стать узнаваемой фигурой и заработать репутацию «бешеного Бисмарка», которая впоследствии сопровождала его на протяжении многих лет. Однако эпатажное поведение было лишь одной стороной медали — юноша много читал и совершенствовал свое владение английским и французским языками. В 1835 году, спустя три года после поступления в университет, он без особого труда сдал необходимые выпускные экзамены.

Молодой Бисмарк мечтал о дипломатической карьере. Однако попасть в прусское министерство иностранных дел было непростой задачей. Сначала требовалось

приобрести определенный опыт на государственной службе. В 1836 году Бисмарк приступил к исполнению обязанностей референдария (проще говоря, стажера) в Аахене, в Рейнской провинции Прусского королевства. Казалось, первый шаг к блестящей карьере сделан, и перспективы юноши выглядели вполне благоприятными. Его начальник покровительствовал ему, из министерства иностранных дел также приходили позитивные сигналы. Но вскоре все надежды рухнули, и главным виновником был не кто иной, как сам Бисмарк.

Аахен был в то время курортным городом, где собиралась публика со всей Европы и кипела светская жизнь. Молодой чиновник с головой окунулся в нее, откровенно пренебрегая своими служебными обязанностями, делая большие долги и влюбляясь в приезжих англичанок. Вершиной стал его роман с Изабеллой Лорейн-Смит, начавшийся летом 1837 года. Чтобы сопровождать свою возлюбленную в европейском турне, Бисмарк взял восьмидневный отпуск и исчез на несколько месяцев, даже не потрудившись поставить в известность начальство. Девушку «со

светлыми волосами и редкой красотой» он уже считал своей невестой — однако в октябре роману пришел конец. «С тощим кошельком и больным сердцем я вернулся в Померанию», — вспоминал впоследствии Бисмарк.

О продолжении службы в Аахене после этого не приходилось и думать, однако начальство решило дать юноше еще один шанс. В декабре 1837 года он приступил к работе в правительственном президиуме Потсдама. Однако здесь окончательно выяснилось, что Бисмарк не в состоянии играть роль «винтика» в бюрократическом аппарате и терпеливо взбираться по ступенькам карьерной лестницы. «Прусский чиновник похож на музыканта в оркестре, — писал он своей кузине, уговаривавшей его не бросать службу. — Играет ли он первую скрипку или на треугольнике, он вынужден исполнять свою партитуру, не видя целого и не влияя на него. Он делает это так, как предписано, нравится ему это или нет. Но я хочу играть ту музыку, которую сам считаю хорошей, или вообще не играть». В этом был известный юношеский максимализм, однако именно так Бисмарк

действовал до конца своих дней. Начальство объясняло неудачи молодого чиновника гораздо проще и, вероятно, не без веских на то оснований: «Если господину Бисмарку удастся преодолеть свою личную лень, он будет способен ко всем высоким государственным должностям».

Отслужив год в прусской армии, которая тоже не внушила ему большого энтузиазма, молодой человек в конце 1839 года окончательно подал в отставку. Теперь у него по большому счету оставался лишь один путь — сельского помещика. Именно такой выбор сделал в свое время его отец, примеру которого собирался последовать и Отто. Его мать умерла в начале того же года, глубоко разочарованная своим младшим сыном. Ее чувства, впрочем, не особенно волновали Бисмарка.

Вместе со своим старшим братом Бернгардом Отто взялся за управление тремя померанскими имениями, доставшимися в наследство от матери. После смерти отца в 1845 году к ним добавился и родной Шёнхаузен. Братья разделили наследство — померанский Книпхоф вместе с Шёнхаузенем достался младшему.

Бисмарк энергично взялся за ведение хозяйства. Наконец-то он оказался представлен самому себе и мог делать все, что заблагорассудится! Молодой человек засел за учебники по сельскому хозяйству, стал внедрять новые машины и методы обработки почвы. Вскоре имения стали приносить доход. Вопрос о том, насколько велика здесь заслуга самого Бисмарка, довольно спорный — как раз в 1830-е годы цены на сельскохозяйственную продукцию стали расти, и все прусские помещики в большей или меньшей степени выиграли от этого. Однако не подлежит сомнению, что вчерашний мот и кутила превратился в бережливого, рачительного хозяина.

Но «бешеным Бисмарком» Отто быть не перестал. Он, как и в студенческие годы, продолжал эпатировать публику — на сей раз владельцев окрестных поместий. «Мое окружение — это собаки, лошади и помещики, среди последних я пользуюсь некоторым уважением, поскольку легко могу прочесть письменный текст, одеваюсь по-человечески и при этом могу разделить дичь с аккуратностью мясника, спокойно и дерзко скачу верхом, курю самые крепкие

сигары и с доброжелательной холодностью сваливаю своих гостей под стол во время попоек», — писал Бисмарк другу. Жизнь в деревенском захолустье довольно быстро наскучила ему. Его кипучая энергия искала и не находила выхода. Управления помещьем и чтения книг — а читал он по-прежнему много и жадно — уже не хватало.

Ближе к тридцати годам у Бисмарка начали проявляться признаки того, что мы сегодня назвали бы кризисом среднего возраста. Он хотел что-то изменить в своей жизни. Но что именно? Жениться? Однако родители его избранницы отказали жениху со столь сомнительной репутацией. Уехать? В 1842 году он предпринял большое путешествие в Англию, Францию и Италию, а порой думал о том, чтобы уехать на другой континент — к примеру, поступить на британскую службу в Индии. Снова попытаться построить карьеру? Весной 1844 года он вернулся в потсдамскую канцелярию, но хватило его ровно на два месяца. «Я безвольно плыву по течению жизни, не имея иного руля, кроме минутных склонностей, и мне довольно безразлично, где меня выбросит на берег», — писал он

в одном из писем. Пессимизм и меланхолия овладевали им все сильнее.

В конце концов он нашел более или менее подходящее общество. Речь идет о кружке пиетистов — набожных протестантов, в число которых входил друг его детства Мориц фон Бланкенбург. Сам Бисмарк относился к религии вполне равнодушно, однако члены кружка в качестве собеседников были намного интереснее среднестатистического сельского помещика. Однако главным «магнитом» среди пиетистов стала для молодого человека Мария фон Тадден — открытая, естественная и в то же время глубокая девушка. Мария поставила целью обратить закоренелого скептика в истинную веру. Их взаимная привязанность, однако, не могла прийти к счастливому финалу — девушка уже была помолвлена с Бланкенбургом. Только ранняя смерть Марии от тифа положила конец этому «любовному треугольнику».

Смерть близкой его сердцу молодой женщины глубоко потрясла Бисмарка. Некоторое время спустя он сделал предложение лучшей подруге Марии — Иоганне фон Путткаммер. Девушка не блистала

красотой, однако была неглупа, а самое главное — способна обеспечить своему супругу спокойствие и уют у домашнего очага. Иоганна была в определенном смысле противоположностью матери Бисмарка: лишенная каких-либо светских амбиций, но бесконечно преданная мужу и готовая самоотверженно заботиться о нем. В июле 1847 года они поженились. На протяжении всей жизни Иоганна обеспечивала своему супругу то, в чем он отчаянно нуждался — домашний уют, островок спокойствия, где он мог отдохнуть от бурных политических баталий.

Практически одновременно Бисмарк решил попробовать себя в новой сфере — органах дворянского самоуправления. В Пруссии середины XIX века помещики в значительной степени формировали структуры власти в сельской местности. Старший брат Бернгард занимал в померанской глубинке пост ландрата — главы местной администрации, и Отто иногда замещал его. Первой самостоятельной должностью младшего Бисмарка стал в 1846 году пост «начальника плотин» на одном из участков Эльбы. Это была чисто

общественная, выборная должность, за которую Отто пришлось побороться. В этом же году он стал заместителем депутата в провинциальном ландтаге — сословном собрании, представлявшем интересы привилегированных классов провинции.

Оглядываясь назад, соблазнительно увидеть в этих событиях первые шаги молодого человека на пути к блестящей политической карьере. Действительно, у Бисмарка проснулся определенный интерес к политике. Но интерес не гарантировал успеха. И даже связи с ведущими консервативными деятелями Пруссии, приобретенные благодаря пиетистам и родственникам жены, не были сколько-нибудь надежным трамплином к вершинам власти. Политическая жизнь в Пруссии первой половины XIX века практически отсутствовала как таковая. У Бисмарка не было ни громких титулов, ни могущественных покровителей, ни желания медленно и прилежно строить административную карьеру. Его «потолком» в этой системе был пост ландрата, который вряд ли смог бы надолго удовлетворить его амбиции. Вполне возможно, что он, разочаровавшись в очередной раз, полностью ушел бы

в частную жизнь, как это сделали многие в подобной ситуации.

Однако жизнь не стояла на месте. Колесо истории со скрипом повернулось и открыло перед Бисмарком новые возможности.

Революционный лифт

Революция похожа на землетрясение, на мощный природный катаклизм. Революции часто до основания потрясают и общество, и государство. Работавшая по определенным правилам бюрократическая машина сбоит, разрушается, порой до самого основания. Начинают работать социальные лифты, немыслимые до революции. Происходят стремительные взлеты и не менее стремительные падения. В эпоху революции часто оказываются востребованными совершенно иные качества, нежели в «спокойные» периоды истории. Именно поэтому они дают шанс тем, кто в противном случае не смог бы достичь никаких высот.

Великая Французская революция дала такой шанс Наполеону. Немецкая революция 1848—1849 годов дала шанс Бисмарку. До нее он был обычным прусским помещиком — одним из многих тысяч. После ее завершения он являлся одним из лидеров

консервативной партии и обладателем важнейшего дипломатического поста. Как это произошло?

Революции предшествовал постепенно нараставший кризис. Кризис легитимности государственной власти — либералы в Пруссии усиливались и все более настойчиво требовали реформ — совпал с финансовым и экономическим кризисом. В 1847 году король Фридрих Вильгельм IV вынужден был созвать Соединенный ландтаг — собрание депутатов провинциальных сословных представительств. Проблема монарха заключалась в том, что крупные финансисты были готовы давать прусскому государству займы только при условии, что их гарантирует какое-никакое народное представительство.

Как это часто бывало в истории, единожды собравшись, Соединенный ландтаг не пожелал оставаться в предписанных ему рамках. Большинство в нем составляли представители либеральных кругов. Вместо того чтобы одобрить займы и тихо разойтись, они потребовали шагов по превращению собрания в полноценный парламент. Королю удалось распустить

Соединенный ландтаг, однако ни одной проблемы это в действительности не решило. Поэтому в марте 1848 года, как только были получены известия о революции в Париже, в Пруссии и других германских государствах также вспыхнули восстания.

После недолгой борьбы восставшие победили. Король вынужден был пойти на уступки. В Пруссии было избрано Национальное собрание, взявшее на себя функции парламента и занявшееся разработкой конституции. Параллельно прошли выборы в общегерманское Национальное собрание, задачей которого было создание единого немецкого государства. Большинство в обоих парламентах составляли либералы и демократы различных направлений.

Что делал в этой ситуации Бисмарк? Для начала ему немного повезло. Он не прошел в основной состав Соединенного ландтага, однако, когда один из депутатов серьезно заболел, смог занять его место. В ландтаге он немедленно примкнул к консервативному меньшинству — защитникам установленного порядка и традиционных неограниченных прав короны. 17 мая 1847 года, спустя месяц после начала заседаний, он

произнес свою первую речь, которая привлекла всеобщее внимание. Молодой депутат отличался явным ораторским талантом, и лидеры консервативной группировки не могли это не отметить. Надо сказать, что среди консерваторов было не так много ярких фигур, которые могли бы составить конкуренцию Бисмарку. Его известность росла с каждым новым выступлением в ландтаге; он с головой окунулся в политическую жизнь, обзаводясь новыми полезными знакомствами и связями. Даже король обратил внимание на молодого защитника монархии.

В середине марта 1848 года, когда в Берлине вспыхнула революция, Бисмарк находился в своем поместье. Узнав о восстании, он бросился в столицу, где вел переговоры с самыми разными людьми — от армейских офицеров до супруги наследника престола — в попытках мобилизовать их на подавление бунта. Любимой идеей молодого роялиста было организовать армию из верных королю крестьян и двинуть ее на мятежный город. Эта мысль стала в дальнейшем одной из основ его политической стратегии — Бисмарк был убежден в том,

что простой народ выступает за сохранение традиционных порядков и монархия должна пойти на союз с ним против либеральных средних классов.

Однако до того момента, когда он сам сможет испытать свои идеи на практике, было еще далеко. Пока что Бисмарк нигде не встретил готовности предпринять против восставших решительные меры. У него также не было ни единого шанса стать депутатом Национального собрания — люди с реакционными взглядами не пользовались ни малейшей популярностью. Тем не менее, Бисмарк не отказался ни от своих убеждений, ни от уже сформировавшегося образа. Он связал себя с партией, которая проигрывала борьбу, но все еще сохраняла в своих руках сильные козыри. Немного позже, когда революция пошла на спад, это принесло ему огромные дивиденды. Однако об этом Бисмарк, разумеется, не знал и знать не мог; его решение примкнуть к консерваторам было вполне искренним, соответствовавшим его убеждениям.

В следующие месяцы молодой политик играл, по словам одного из лидеров

консервативного лагеря, роль «деятельного и интеллигентного адъютанта главной квартиры нашей камарильи». На большее 33-летнему Бисмарку пока рассчитывать не приходилось. Он активно участвовал в создании ряда консервативных организаций, а также печатного рупора консерваторов — «Крестовой газеты», для которой написал множество статей. Тем временем обстановка в стране стала более спокойной, и монарх смог перейти в контрнаступление: в конце 1848 года прусское Национальное собрание было распущено, и король от своего имени опубликовал конституцию. В соответствии с ней, в Пруссии создавался двухпалатный парламент (ландтаг); выборы в нижнюю палату не были равными, а полномочия самого ландтага не слишком велики, однако это был существенный шаг вперед по сравнению с дореволюционной ситуацией.

Бисмарк, которому удалось войти в число депутатов, к тому моменту окончательно порвал с образом жизни сельского помещика, сдал Шёнхаузен в аренду и переехал вместе с семьей в Берлин. В ландтаге он продолжал защищать прерогативы

короны, а в вопросе возможного объединения Германии требовал исходить, в первую очередь, из интересов Пруссии. «Уважаемый оратор назвал меня заблудшим сыном Германии, — ответил он одному из своих оппонентов. — Господа! Моя отчизна — Пруссия, я не покинул ее и не собираюсь покидать». Когда в конце 1850 года прусский король вынужден был отступить в остром конфликте с Австрией и подписать Ольмюцкое соглашение, которое многие в Пруссии восприняли как национальный позор, Бисмарк с трибуны защищал принятое решение. «Единственным здоровым основанием большого государства, — заявил он, — является государственный эгоизм, а не романтика». Из этого правила он исходил и в дальнейшем, положив его в основу своей знаменитой «реальполитик».

«Ольмюцкая речь» Бисмарка была по распоряжению короля отпечатана в двадцати тысячах экземпляров и разослана по стране. Фактически к этому моменту он стал главным спикером консервативной партии. Его покровители — братья фон Герлах — являлись ближайшими советниками

монарха. Бисмарк уже не был просто «адъютантом» и стремился к чему-то большему, чем просто кресло в парламенте. Такая возможность ему вскоре представилась.

Фридрих Вильгельм IV не хотел давать своему молодому паладину важный внутриполитический пост. Здесь против Бисмарка играла его репутация крайнего реакционера. Даже симпатизировавший ему король однажды сказал, что от этого юнкера «пахнет кровью». Однако эта же репутация могла стать важным козырем в рамках отношений с одной из консервативных держав Европы. Речь шла, в частности, об Австрии, с которой в Берлине хотели улучшить отношения после конфликта, едва не закончившегося войной. «Ольмюцкая речь» проложила ее автору дорогу к дипломатическому посту; в мае 1851 года он был назначен прусским представителем в бундестаге Германского союза.

Германский союз был основан в 1815 году и включал в себя почти четыре десятка германских государств, в том числе Пруссию и Австрию, которой принадлежало неформальное лидерство в этом объединении. Членство в Германском союзе

практически никак не ограничивало суверенитет стран-участниц, а единственным общесоюзным органом был заседавший во Франкфурте-на-Майне бундестаг — конференция постоянных представителей союзных государств. Тем не менее, пост прусского представителя имел большое значение, поскольку именно отношения с Австрией и германскими государствами играли в прусской политике ключевую роль. Сам Бисмарк, не особенно преувеличивая, называл его «важнейшим постом нашей дипломатии».

Так, перепрыгнув через все ступени дипломатической лестницы, Бисмарк оказался в непосредственной близости от самой ее вершины. В Германии таких людей называют длинным и труднопроизносимым словом «кверайнштайгер» — дословно «вошедший поперек». В России говорят о «человеке со стороны» или ограничиваются кратким и емким термином «варяг». Стать «варягом» в прусском внешнеполитическом ведомстве Бисмарку помогла революция. Однако такое положение хранило в себе и определенные риски. По сути, Бисмарк полностью зависел от расположения

короля и своих покровителей из числа близких ко двору консервативных лидеров. А с последними у него уже стали намечаться определенные расхождения...

Дипломат

На берега Майна Бисмарк переселился вместе со всей семьей, которая росла буквально на глазах. В 1848 году родилась его дочь Мария, в следующем году — сын Герберт, в 1852 году — последний из его детей, Вильгельм. Впоследствии Бисмарк вспоминал годы во Франкфурте с ностальгией: «Это было приятное время. Молодой супруг, здоровые дети, три месяца отпуска в году». Гости, приезжавшие к свежее испеченному дипломату, отмечали простоту быта и радушие хозяев. Но за видимой непринужденностью и беззаботностью скрывалась упорная работа. Бисмарк, не имевший ранее ровным счетом никакого дипломатического опыта, должен был быстро учиться. И, надо признать, у него это получалось весьма успешно.

С самого начала новый прусский посланник поставил своей задачей жестко отстаивать интересы своего государства.

Вопреки желаниям своих покровителей, он вовсе не собирался добиваться гармонии с Австрией любой ценой. Бисмарк жестко отстаивал равноправие Пруссии и Австрии в Германском союзе, по сути дела бросая вызов прежнему лидеру. Широко известны анекдотичные истории о том, как он первым из представителей германских государств закурил в присутствии австрийского посланника и первым позволил себе снять сюртук после того, как это сделал австриец. Эти символические жесты на деле имели большое значение, наглядно подчеркивая, что прусский дипломат не намерен играть роль «младшего» по отношению к Австрии. Еще более жестко он сопротивлялся любым попыткам развивать интеграцию германских государств в ущерб прусским интересам. Он способствовал продлению прусского Таможенного союза без участия Австрии и сохранению строгого нейтралитета Пруссии в Крымской войне.

Эта политика не вполне соответствовала концепции Герлахов, ставивших во главу угла монархическую солидарность против революционной угрозы. Однако Бисмарка

это не смущало — он желал «играть ту музыку, которую сам считал хорошей». В Берлин он отправлял одно послание за другим, убеждая, что главным конкурентом Пруссии является Австрия, а действия на внешнеполитической арене должны диктоваться исключительно и только государственными интересами. «Венская политика делает Германию слишком маленькой для нас двоих, — писал он в апреле 1856 года. — Пока не достигнуто честное соглашение по поводу сферы влияния каждого из нас, мы обрабатываем один и тот же спорный участок. <...> В не слишком отдаленной перспективе мы вынуждены будем воевать с Австрией за свое существование, и не в нашей власти избежать этого, поскольку развитие событий в Германии не оставляет иного выхода». Бисмарк выступал также за сотрудничество с Францией Наполеона III, которую в Берлине считали едва ли не главным противником.

Разногласия Бисмарка с покровителями касались не только конкретных вопросов международной политики; налицо были два разных взгляда на развитие консервативной идеи в принципе. Для Герлахов,

как и для многих консерваторов старого поколения, ключевое значение имело сохранение старого, освященного высшими силами порядка. Ко всему новому они относились с подозрением и враждебностью. Бисмарк же считал, что с силами прогресса спорить бесполезно — их нужно использовать в своих интересах. Еще в 1848 году в одной из своих статей, оставшейся неопубликованной, он написал: «Дворяне-помещики, как и любой разумный человек, полагают, что было бы бессмысленно и невозможно остановить поток времени и заставить его повернуть вспять». Бисмарк все больше разочаровывался как в короле, так и в его окружении. Он жестко критиковал прусскую политику в своих письмах в Берлин: «Можете ли Вы назвать мне цель, которую ставит перед собой наша политика, или хотя бы план на несколько месяцев вперед? Знает ли кто-нибудь, чего он хочет? <...> Мы — самые добродушные, безопасные политики, и все же в нас никто не верит, нас считают ненадежными товарищами и неопасными противниками». Единственным позитивным для Бисмарка следствием такого положения дел

была значительная степень самостоятельности, с которой он мог действовать. Однако постепенно его поведение вызывало в Берлине все более серьезные нарекания. «Мнение о моей пригодности изменилось в худшую сторону», — с тревогой писал в конце 1857 года сам Бисмарк.

Неизвестно, как развивалась бы ситуация дальше, однако случайность вновь ускорила ход событий. Фридрих Вильгельм IV постепенно погружался во мрак безумия, и его брат Вильгельм стал в 1858 году регентом. «Придворная камарилья» Герлахов в значительной степени утратила свое влияние, к власти пришло окружение принца Вильгельма — так называемая «партия еженедельника». Ее отличительной чертой было стремление к ограниченным реформам. Идеино Бисмарк был ближе к этой партии, но его репутация «человека Герлахов», ярого реакционера, играла в данном случае против него.

Бисмарк попытался вступить в диалог с новым правителем и убедить его в правильности своих идей. В 1858 году он отправил в Берлин обширный меморандум, озаглавленный «Некоторые замечания

о положении Пруссии в Германском союзе». В нем Бисмарк не только выступал за активную внешнюю политику, направленную на защиту прусских национальных интересов. Он высказал поистине революционную идею — чтобы встать во главе германских государств, Берлин должен не бороться за симпатии их правителей, а опереться на широкую общественность, на национальное движение. «Королевская власть, — писал он, — покоится в Пруссии на столь надежных основах, что правительство может, не подвергая себя опасности, активизировать работу парламента и тем самым получить очень действенный инструмент влияния на ситуацию в Германии». Кроме того, популярная внешняя политика облегчит решение внутривластных проблем. Многие из предложенного Бисмарк несколько лет спустя реализовал самостоятельно.

Однако пока что его попытка успеха не принесла. В придворных кругах меморандум насмешливо называли «Маленькой книжкой господина Бисмарка», видя в нем только желание карьериста выслужиться перед новым властителем. На деле этот упрек был безосновательным. Бисмарка

можно было упрекнуть в чем угодно, но только не в бесхребетности и желании угождать власть имущим. В противном случае его отношения с Герлахами не вступили бы в полосу кризиса. Другой вопрос, что Бисмарк действительно стремился занять как можно более влиятельную позицию в прусском политическом руководстве и активно убеждал власть имущих в правоте своих взглядов.

Но в текущей ситуации эти взгляды пришлось не ко двору. В 1859 году «франкфуртская эпоха» в жизни Бисмарка завершилась. Ее значение в его биографии сложно переоценить. Фактически годы на посту прусского посланника в бундестаге стали его «дипломатической школой». Приехав в город на Майне в качестве дилетанта, которого вынесла наверх волна революционных событий, Бисмарк покинул его опытным дипломатом со зрелой, сложившейся политической концепцией. В прусской политике он стал заметной самостоятельной фигурой, и в Берлине периодически возникали слухи о его грядущем назначении главой министерства иностранных дел или даже всего правительства в целом.

Но пока его путь лежал на восток, в далекий Петербург. Назначение Бисмарка прусским посланником в Российской империи состоялось в марте 1859 года. Историки по сегодняшний день спорят о том, как нужно трактовать это решение регента — как продвижение по службе (отношения с Россией имели для Пруссии особое значение) или как «мягкую опалу». Однако реакция самого Бисмарка не оставляла никаких сомнений — по словам жены, он «заболел от злости», узнав о своем назначении. Его удалили и от центра принятия решений в Берлине, и из той сферы, которую он считал решающей для будущего Пруссии, — германской политики.

На посту прусского посланника в России Бисмарк оставался до 1862 года. Отечественные публицисты по сегодняшний день приписывают ему на этом основании некое особое знание и понимание России. «Железного канцлера» использовали и продолжают использовать в качестве символа российско-германской дружбы, сотрудничества и взаимопонимания. На деле представления Бисмарка о России не слишком отличались от взглядов

большинства образованных немцев того времени. В дальнейшем он не раз говорил о том, что русские ничего не могут без немцев, а у всех более или менее талантливых российских государственных деятелей есть примесь немецкой крови. Бисмарк исправно играл роль прусского представителя, вращался в светских кругах Петербурга, общался с канцлером князем Горчаковым, ездил на охоту — но сердцем и душой он был в Берлине.

К тому же российская столица едва не свела его в могилу. В июне 1859 года он сильно простыл в сыром петербургском климате и страдал от ревматических болей. Воспалилась не до конца зажившая рана на ноге, полученная за пару лет до этого на охоте в Швеции. Лечение, прописанное врачом-шарлатаном, привело к резкому ухудшению состояния больного. Другие медики настаивали на ампутации ноги. В июле Бисмарк отправился на корабле в Берлин, где долго лечился. Ногу удалось спасти. Однако поздней осенью, возвращаясь в Петербург, он снова серьезно заболел и в течение нескольких недель находился на волосок от смерти.

В российскую столицу он в итоге попал только летом 1860 года.

Из Петербурга он писал послания в Берлин, продолжая отстаивать правильность своего курса. Для этого он использовал все рычаги, не гнушаясь даже тем, чтобы вкладывать свои собственные мысли в уста российских государственных деятелей. Бисмарк выступал за сотрудничество с немецким национальным движением против Австрии, за более активную политику в германском вопросе. Он надеялся на министерский пост, однако его надежды раз за разом оказывались разбитыми вдребезги. «Не хватало еще взять в министерство человека, который поставит все с ног на голову», — высказался по этому поводу регент. Бисмарк оказался в изоляции — ему не доверяли ни консерваторы, ни их противники. Первые считали его циничным бонапартистом, готовым поступиться священными принципами, вторые — ярким реакционером.

В этой ситуации «петербургский эпизод» в биографии Бисмарка мог затянуться на многие годы и стать завершающей ступенью его карьеры. Ситуация, когда послы

оставались на своих постах десятилетиями, не представляла собой ничего из ряда вон выходящего, а в столице самой консервативной из великих держав Европы ему, казалось, было самое место. В конечном счете сам Бисмарк начал постепенно утрачивать надежду на изменения в своей судьбе. «Для меня уже все слишком поздно, и я просто продолжаю выполнять свой долг, — писал он младшей сестре в январе 1862 года. — Моя болезнь сделала меня внутренне столь изможденным, что у меня нет больше необходимой энергии для того, чтобы действовать в меняющейся обстановке. Три года назад я еще был годен на то, чтобы стать министром, теперь я думаю об этом как больная скаковая лошадь, которая должна перепрыгивать через препятствия. Еще несколько лет я должен буду оставаться на службе, если проживу этот срок».

Но события, которые приведут Бисмарка к вершинам власти, уже разворачивались полным ходом. Как и в прошлый раз, речь шла о глубоком внутривластном кризисе. «Большие кризисы создают условия, благоприятные для усиления Пруссии, если

мы будем бесстрашно, возможно, даже безоглядно их использовать», — писал Бисмарк в свое время из Франкфурта. То же самое он мог бы сказать о самом себе.

Канатоходец

Провозгласив «Новую эру» и назначив либеральное министерство, принц Вильгельм — ставший в 1861 году королем — вовсе не собирался отказываться от своих монарших прерогатив. Одной из них являлось руководство вооруженными силами; армия традиционно считалась личным доменом короля. Либеральное большинство парламента, однако, не было согласнo с этой точкой зрения. Когда Вильгельм в 1860 году попытался провести масштабную военную реформу, значительно усиливавшую прусскую армию, ландтаг отказался одобрить необходимые для этого расходы. Реформа в итоге была проведена явочным порядком, что окончательно завело ситуацию в тупик — ни одна из сторон не могла отступить без катастрофической потери лица. «Военный конфликт» между короной и парламентом превратился в «конституционный», в вопрос о том,

кому принадлежит власть в государстве. В 1862 году внутривластный кризис достиг своего пика. Вильгельм I расстался со своими прежними либеральными симпатиями, которые и без того были не слишком глубокими, и все чаще задумывался о назначении главой правительства человека с «железной рукой». И одним из главных кандидатов был Бисмарк.

Его назначению, однако, предшествовали долгие колебания. Сначала Бисмарк был направлен в качестве прусского посла в Париж. Пробыв на этом посту всего лишь несколько месяцев, он осенью 1862 года был вызван в Берлин. Немалую роль в этом сыграл его старый друг, военный министр Альбрехт фон Роон. Бисмарк и сам в эти месяцы развернул активную деятельность, направленную на то, чтобы возглавить правительство. В письмах и донесениях он убеждал своих берлинских адресатов в том, что именно он является тем человеком, который сможет справиться с кризисом, и одновременно требовал как можно скорее принять решение.

В Берлин Бисмарк прибыл 20 сентября. Два дня спустя состоялся решающий

разговор с королем. После того как Бисмарк продемонстрировал готовность защищать интересы короны и свою уверенность в успехе, он был в тот же день назначен министром-президентом, то есть главой правительства Пруссии.

Однако получить власть в свои руки было только половиной дела, теперь предстояло ее удержать, что было в сложившейся ситуации далеко не самой легкой задачей. В тот момент многие были убеждены, что назначение Бисмарка — это жест отчаяния со стороны монарха, и свежеепеченный министр-президент продержится на своем посту максимум несколько месяцев. Действительно, и парламент, и общественное мнение были настроены резко против него, в придворных кругах у «бешеного юнкера» имелись влиятельные противники, его единственной опорой было доверие короля. Стоило Вильгельму I заколебаться — и Бисмарка ждал бы крах. И все это — на фоне острого политического кризиса, противостояния между королем и ландтагом, зашедшего в тупик.

С каким багажом Бисмарк подошел к решению этой сложнейшей задачи?

Фактически к этому времени его стратегическая концепция уже сложилась. Его главными целями было сохранение власти традиционных элит в Пруссии и усиление позиций Берлина как в Германии, так и на международной арене. Ради достижения этих целей он готов был проявлять тактическую гибкость, идти на компромисс с противниками, использовать в своих интересах происходившие необратимые изменения. Бисмарк воспринимал политику как шахматную игру и всегда держал наготове несколько вариантов действий. Это позволяло ему быстро приспосабливаться к менявшейся ситуации и ограничивать ущерб от ошибок и промахов. В свои планы он не посвящал никого; Бисмарк был ярко выраженным одиночкой, нуждавшимся не в помощниках, а в исполнителях. Его стиль руководства был отчетливо авторитарным, и с течением времени эта склонность только усиливалась.

Первый год на посту главы правительства — до осени 1863 года — был, пожалуй, самым сложным во всей политической карьере Бисмарка. Он напоминал канатоходца, идущего по тонкой веревке под самым

куполом цирка без какой-либо страховки. Любая ошибка могла стоить ему поста. И первую из них он сделал уже неделю спустя после своего назначения.

Речь идет о самых знаменитых словах Бисмарка: «Не речами, не постановлениями большинства решаются великие вопросы времени — это было большой ошибкой 1848 и 1849 годов, — а железом и кровью». Он произнес их перед депутатами ландтага, пытаясь убедить их в необходимости сильной Пруссии во имя общегерманского дела. Тем самым он пытался заложить почву для компромисса с оппозицией. Однако Бисмарк не задумался о том, какой эффект произведут эти фразы в контексте закрепившейся за ним репутации. Депутаты, а вслед за ними и возмущенная общественность восприняли «железо и кровь» как главные пункты программы «бешеного юнкера». Последовавший взрыв возмущения едва не стоил Бисмарку должности. Ему пришлось срочно ехать навстречу королю, возвращавшемуся в поезде с курорта, и убеждать его в своей правоте. Удержаться на своем посту главе правительства в итоге удалось, однако кризис только усилился.

В конце концов Бисмарк заявил, что раз ландтаг отказывается принять предложенный правительством бюджет, значит, страна обойдется без утвержденного бюджета — в конституции такая ситуация никак не регламентируется. Эта так называемая «теория пробела» была далеко не безупречной с юридической точки зрения, и депутаты официально обвинили министерство в нарушении конституции, а также возложили на министров личную материальную ответственность за незаконные расходы. «Прусская монархия еще не выполнила свою миссию, она еще не готова к тому, чтобы стать чисто декоративным украшением вашего конституционного здания, не готова превратиться в мертвую деталь в механизме парламентского правления», — бросил Бисмарк в ответ в лицо оппозиции. Глава правительства был обречен проводить жесткую линию — ведь это была программа, одобренная королем, и от ее выполнения зависела поддержка монарха. В такой ситуации у Бисмарка практически не было пространства для маневра. Единственное, на что ему оставалось надеяться — что прусская общественность

со временем устанет от «неконструктивного» поведения депутатов и лишит их своей поддержки.

Однако пока что все происходило ровно наоборот. В мае 1863 года нижняя палата ландтага вновь подавляющим большинством голосов отвергла проект бюджета, а затем приняла адрес королю, требовавший отставки правительства. Осенью на новых выборах левые либералы — прогрессисты — одержали убедительную победу, получив больше двух третей мандатов в парламенте. Бисмарк, в свою очередь, ввел жесткую цензуру и провел чистку правительственного аппарата от всех чиновников, отличавшихся либеральными симпатиями. Однако опасность грозила ему не только со стороны парламента — при дворе сформировалась мощная оппозиция во главе с королевой, наследником престола и его супругой. «Этот человек — недоразумение мирового масштаба и величайшее унижение Пруссии, — писала кронпринцесса в одном из своих писем. — Если бы последствия его действий обрушились только на его собственную голову, можно было бы утешиться, но из-за него пропадем мы все».

Бисмарк был вынужден каждый день бороться за свое политическое выживание и хвататься за любой призрачный шанс. Он думал о том, чтобы мобилизовать против либеральных средних классов простой народ — идея, которую он лелеял еще с 1848 года. В середине 1863 года он тайно встретился с Фердинандом Лассалем — основателем Всеобщего германского рабочего союза, одной из первых немецких социалистических организаций. Переговоры помещика-консерватора с социалистом вызвали бы настоящую сенсацию в Пруссии, если бы о них стало известно. Еще большей сенсацией стало бы то, что обе стороны смогли найти общий язык, выступая, в частности, за введение всеобщего и равного избирательного права. Эта история не имела продолжения — Лассаль вскоре погиб на дуэли, а Бисмарк больше никогда не испытывал потребности в заигрывании с «красными».

Во внутренней политике кризис, таким образом, продолжал обостряться. Что же в это время происходило на международной арене, в той сфере, где Бисмарк чувствовал себя не в пример более уверенно?

Здесь тоже приходилось вести тяжелые оборонительные бои. В Вене решили перейти в наступление в «германском вопросе», предложив реформу Германского союза, усиливавшую интеграцию немецких государств. Бисмарку стоило немало труда убедить короля игнорировать австрийский проект и тем самым сорвать его. Одновременно в Царстве Польском началось восстание, и прусская дипломатия вынуждена была лавировать между Россией и тремя остальными великими державами, выступавшими в поддержку поляков. Заключив с Петербургом «конвенцию Альвенслебена» о совместной борьбе против восставших, Бисмарк тут же постарался выхолостить ее и отказался от предложенного российской стороной союза. Все эти события не только не улучшили международное положение Пруссии, но и сделали Бисмарка еще более непопулярным у немецкой общественности.

Ежедневная борьба за политическое выживание выматывала главу правительства. «Я чувствую себя так, словно за один этот год постарел на пятнадцать лет. Люди все же еще намного глупее, чем я о них

думал», — сказал он одному из своих друзей осенью 1863 года. Он страдал от мигрени и хронической бессонницы, и многие в дипломатических кругах считали, что глава правительства долго не протянет. Однако на горизонте уже забрезжили события, которые дали Бисмарку шанс добиться решительного поворота в свою пользу.

Победы

Объединение Германии обычно называют главной заслугой Бисмарка. Многие историки писали о том, что у «железного канцлера» был стратегический план по достижению германского единства, который он последовательно воплощал в жизнь. В действительности такого плана не существовало. Более того, объединение немецких княжеств вокруг Пруссии стало в известном смысле побочным эффектом преодоления внутривосточного кризиса.

В конце 1863 года обострился шлезвиг-гольштейнский вопрос — один из «замороженных конфликтов» тогдашней Европы. Северогерманские герцогства принадлежали на основе личной унии датскому монарху. Однако, согласно действовавшему еще с глубокого Средневековья правилу, герцогства должны были быть «навсегда нераздельными» и иметь одинаковый статус. При этом Гольштейн входил в состав

Германского союза, а Шлезвиг — нет. То, что в эпоху рыцарей воспринималось как норма, в век наций выглядело откровенным бредом. Датчане пытались интегрировать хотя бы Шлезвиг в состав своего национального государства. У немецкой общественности, считавшей северные герцогства частью германского Отечества, это вызывало крайне болезненную реакцию. Первая война из-за герцогств между Данией и германскими государствами произошла еще в 1848—1850 годах, на фоне европейских революций. Тогда при посредничестве великих держав на конференции в Лондоне удалось вернуться в исходное положение. Теперь датчане решили предпринять еще одну попытку — согласно новой конституции страны, Шлезвиг становился частью Дании.

Протест Германского союза не заставил себя ждать. Одновременно свои права на престол герцогств заявил Фридрих Аугустенбургский — один из представителей разветвленной Гольштейнской династии. Когда датчане отказались пойти на какие-либо уступки, две великие германские державы — Австрия

и Пруссия — договорились о «принуждении к миру» северных соседей. Официальной целью Берлина и Вены было восстановление статус-кво. На этом настаивал Бисмарк, который вовсе не желал создания под скипетром герцога Аугустенбургского еще одного среднего германского княжества. Такая линия вызвала новый всплеск возмущения у немецкой общественности, у которой герцог пользовался огромной популярностью.

В феврале 1864 года австро-пруссский ограниченный контингент начал наступление на север. Командовавший им престарелый фельдмаршал Врангель упустил шанс разгромить датчан в приграничном сражении. Война затягивалась — союзники оккупировали практически всю Ютландию, но датская армия отступила на острова. Поскольку на море господствовал датский флот, сложилась патовая ситуация. В конце апреля в Лондоне открылась международная конференция по проблеме герцогств — испытанное средство решения европейских проблем. Пятерка великих держав — так называемый «Европейский концерт» — после победы над Наполеоном

неизменно улаживала возникавшие на континенте конфликты путем переговоров. Так было после первой войны из-за герцогств, так могло бы быть и сейчас.

Проблема заключалась в том, что «Европейский концерт» переживал не лучшие времена. Крымская война 1853–1856 годов нанесла мощный удар системе сотрудничества великих держав. В европейских столицах начал господствовать негласный принцип «каждый сам за себя». Потерпевшая поражение Россия уже не могла и не хотела играть роль «жандарма Европы». Франция, где у руля стоял Наполеон III, мечтавший о славе своего великого дяди, стремилась к доминированию в системе. Британцы занялись своими внутренними проблемами, к тому же потери в Крымской войне надолго отбили у них желание играть активную роль в европейских конфликтах. Австрия была не в состоянии в одиночку защитить все свои интересы и поддерживать существующее положение. Все это создавало благоприятные условия для серьезных перемен.

«Европейский концерт» поддерживал стабильность в системе; после 1856 года

перед европейскими политиками открылось «окно возможностей», которым не преминул воспользоваться ряд игроков. В 1859 году Сардинское королевство в союзе с Францией нанесло поражение Австрии. Итогом стало создание в 1861 году Итальянского королевства, впервые за много веков объединившего в своих границах большую часть Апеннинского полуострова. Целый ряд небольших княжеств исчез с карты Европы. Для европейской системы XIX века это было потрясение тектонического масштаба, немыслимое десятью годами раньше. Оно показало всем заинтересованным лицам, насколько раздвинулись в новых условиях пределы возможного.

Именно благоприятная международная ситуация позволила главе прусского правительства добиться объединения Германии. Действуй Бисмарк в иной ситуации — к примеру, в середине 1830-х годов — никакие таланты и способности не помогли бы ему добиться решающего успеха. Его пространство для деятельности было бы жестко ограничено правилами игры, принятыми в системе, и любая попытка резкого

усиления Пруссии оказалась бы пресечена другими великими державами. «Окно возможностей», открывшееся после Крымской войны, давало Берлину объективный шанс изменить ситуацию в свою пользу. Вопрос был в том, чтобы правильно воспользоваться этим шансом.

Конференция в Лондоне закончилась ничем: датчане не соглашались идти на какие-либо уступки. Война продолжилась. В конце июня прусские войска предприняли успешную десантную операцию, высадившись на острове Альс. В это же время из Адриатики в Северное море прибыла австрийская эскадра, поставившая под вопрос господство датчан на море. В этой ситуации в Копенгагене вынуждены были признать свое поражение. 1 августа был подписан предварительный мирный договор, по которому датский король отказывался от всех прав на Шлезвиг и Гольштейн.

Победа была одержана, но что делать с ее плодами? Прусские солдаты возвращались домой, а Бисмарк тем временем продолжал воевать. Воевать не только против общественного мнения, но и против

собственного монарха, который тоже симпатизировал герцогу Аугустенбургскому. К этому добавлялась необходимость договариваться со старинным соперником-союзником — Австрией. В конечном счете было принято решение, в соответствии с которым герцогства оставались в совместном владении двух великих держав. Очевидно, что на практике это была не слишком жизнеспособная конструкция, и летом 1865 года в Гаштейне был достигнут новый компромисс: Шлезвиг передавался под управление Пруссии, Гольштейн — Австрии. Сможет ли это решение стать основой для австро-прусского сотрудничества? И Вене, и в Берлине многие на это надеялись.

Тем временем настроение прусской общественности начало меняться. Победа на полях сражений укрепила позиции Бисмарка внутри страны. Многие деятели либеральной оппозиции стали колебаться. «Кто погубил австрийский проект реформ? Господин фон Бисмарк. Кто освободил Шлезвиг-Гольштейн? Господин фон Бисмарк. Вы можете быть уверены, что я далек от того, чтобы венчать лаврами

министерство Бисмарка. Все, что делал здесь господин фон Бисмарк, он, возможно, делал против своей воли, но он сделал это в интересах Пруссии и одновременно Германии», — писал в эти дни один из либеральных политиков, Иоганн Микель, ставший вскоре сподвижником «железного канцлера». Идея Бисмарка — искать решения внутривнутриполитических проблем за счет активной и успешной внешней политики — наконец-то начала работать.

Впрочем, нельзя не отметить, что и внутри страны главе прусского правительства повезло, причем в двояком отношении. Во-первых, его противники не были готовы идти на решительные меры. Они могли отвергать правительственные законопроекты, выражать недоверие министрам, даже призывать к неуплате налогов — но не более того. Оппозиция страшилась революции не меньше, чем правящая элита, и продолжала играть по конституционным правилам. Общество возмущалось, ненавидело Бисмарка, но исправно платила налоги и соблюдала законы. В этой ситуации государство продолжало нормально функционировать, и у главы правительства

появился шанс продержаться до лучших времен.

Во-вторых, экономические условия были исключительно благоприятными. Германские государства, и в первую очередь Пруссия, находились в фазе экономического подъема. Этим ситуация начала 1860-х годов кардинально отличалась от положения дел перед революцией 1848 года. В отличие от Фридриха Вильгельма IV, Вильгельму I не нужно было никого просить о дополнительных займах — а следовательно, и идти на уступки народному представительству. Бисмарку, таким образом, неслучайно повезло: политический кризис оказался достаточно глубоким, чтобы привести его к власти, однако целый ряд благоприятных внутренних и внешних обстоятельств позволил ему эту власть сохранить, а затем и упрочить. Естественно, одного везения было мало — нужны были еще и способности. Но в иной, менее благоприятной ситуации даже Бисмарк вполне мог потерпеть поражение.

Отличным примером дипломатических способностей главы прусского правительства является развитие австро-пруссских

отношений после победы над Данией. Многие биографы Бисмарка впоследствии рисовали предельно упрощенную картинку: гениальный дипломат изначально вел дело к вооруженному столкновению, искусно загоня наивных австрийцев в тупик. На самом деле ситуация была намного сложнее. Бисмарк уже давно считал Австрию главной противницей Пруссии; но из этого еще не вытекала со всей неизбежностью война. Глава прусского правительства был готов пойти на сотрудничество с Венной — естественно, на прусских условиях.

Политический талант Бисмарка заключался не в том, что он умел придумывать и воплощать в жизнь сложные многоходовые комбинации. Бисмарк, как никто другой, прекрасно понимал, что «многоходовки» прекрасно выглядят на страницах художественной литературы, но не в реальном мире. «Ты можешь быть умнее всех мудрецов на свете, — писал Бисмарк жене, — но каждый следующий шаг делаешь в неизвестность, как ребенок». В реальности между собой взаимодействует множество факторов, и чем сложнее план, тем более хрупким он оказывается, тем

меньше шансов он имеет на успех. Политический талант Бисмарка заключался в том, что он умел просчитывать разные варианты развития ситуации и держать открытыми несколько альтернативных путей. Это давало ему возможность видеть и использовать неожиданно возникавшие шансы, не замыкаясь в рамках изначально установленного плана. «Нужно всегда держать в огне два куса железа», — образно говорил об этом сам Бисмарк.

То, что в конечном счете выбор был сделан в пользу войны, объясняется не в последнюю очередь австрийской политикой. Руководство монархии Габсбургов отнюдь не было кружком пацифистов. В Вене хотели сохранить свои позиции в Германском союзе и готовы пойти на конфронтацию, в том числе вооруженную. Маленькая победоносная война могла бы подкрепить пошатнувшийся престиж империи и помочь решить финансовые проблемы — за счет контрибуции с побежденного. В свою очередь, Бисмарк понял, что австрийцы не готовы идти на серьезные уступки. К концу 1865 года и в Берлине, и в Вене начали готовиться к войне.

Бисмарк делал все возможное для того, чтобы обеспечить благоприятные для своей страны условия на международной арене. В Петербурге после Крымской войны Австрию рассматривали как главного соперника на Балканах и были не готовы даже пальцем шевельнуть ради ее спасения. Наполеону III Бисмарк дал ряд туманных обещаний, намекая на территориальные компенсации в случае прусской победы. Наконец, с Италией, у которой с австрийцами имелись свои счета, весной 1866 года был заключен союз.

Однако существовала еще одна серьезная проблема. В эпоху национализма любая война между немцами (а представление об австрийцах как отдельной нации сформировалось только в XX веке) воспринималась как братоубийственная, гражданская и была исключительно непопулярной в обществе. Против войны выступал и прусский король. В связи с этим Бисмарку было необходимо спровоцировать Вену на враждебные действия. Глава прусского правительства сделал нестандартный ход: 9 апреля он внес в бундестаг предложение о созыве общегерманского парламента,

сформированного на базе прямого и равного избирательного права. Это был не просто явный вызов Австрии; это был шаг, который кардинально противоречил сложившемуся образу Бисмарка как крайнего консерватора и реакционера. Неудивительно, что многие не восприняли его всерьез. Берлинский сатирический журнал написал, что находится на грани банкротства, поскольку не в состоянии конкурировать с главой правительства по части сатиры и юмора. Однако Бисмарк был предельно серьезен. Его предложение было не просто пропагандистским шагом — всеобщее избирательное право отражало его идею о союзе консервативных народных масс с монархией против либеральной оппозиции, опиравшейся на средний класс.

Спустя две недели австрийцы нанесли ответный удар, заявив о намерении передать на рассмотрение бундестага вопрос о дальнейшей судьбе Шлезвига и Гольштейна. Бисмарк заявил, что это является нарушением Гаштейнской конвенции. Подготовка к войне вступила в открытую стадию. Главе прусского правительства так и не удалось переложить на Вену

ответственность за конфликт, и это едва не стоило ему жизни.

7 мая в центре Берлина раздались выстрелы. Студент, желавший предотвратить братоубийственную войну, выпустил в Бисмарка пять пуль. Последние две — в упор, в рукопашной схватке, в которой физически крепкому Бисмарку удалось обезоружить своего противника. Удивительно, но глава правительства отделался царапинами; его спасли толстая одежда (в Берлине было еще довольно холодно) и откровенно скверное качество револьвера. Сам Бисмарк воспринял неудавшееся покушение как свидетельство того, что его хранят высшие силы. Многие немцы отреагировали иначе, откровенно сожалея о том, что пули прошли мимо цели.

Готовясь к войне против Австрии, Бисмарк не гнушался никакими приемами. В начале июня он встретился с лидерами венгерских националистов и пообещал им помощь в случае восстания против монархии Габсбургов. Подобная «неразборчивость в средствах» глубоко возмущала его прежних наставников. «Я со спокойной совестью преследую ту цель, которая кажется

мне правильной для моего государства и для Германии. Что касается средств, то я использую те, которые имею в распоряжении при отсутствии иных», — говорил по этому поводу сам Бисмарк. В середине июня боевые действия начались. Вопреки ожиданиям многих европейских наблюдателей, прусская армия одержала серию быстрых побед. В этой ситуации в Вене решили завершить войну — на длительную кампанию у державы Габсбургов попросту не было ни денег, ни внутривнутриполитического запаса прочности. 21 июля было подписано перемирие.

Бисмарку вновь пришлось спорить со своим монархом, который стремился увенчать поход торжественным парадом на улицах Вены. Глава прусского правительства, однако, стремился не допустить вмешательства в происходящее других европейских держав и не хотел закрывать дверь для возможного сотрудничества с Австрией в перспективе. Ему удалось одержать верх. В дальнейшем это происходило снова и снова — Вильгельм I был далеко не всегда согласен со своим паладином, но признавал его превосходство, считал

незаменимым на своем посту и в конечном счете уступал ему. Бисмарк, в свою очередь, неоднократно шантажировал монарха угрозой своей отставки. «Это нелегкое дело — быть императором при Бисмарке», — по свидетельству современников, вздохнул однажды Вильгельм.

В соответствии с условиями Никольсбургского мирного договора, подписанного 26 июля 1866 года, Австрия окончательно устранялась от участия в немецких делах. Германский союз прекращал свое существование. Пруссия фактически становилась гегемоном среди германских княжеств. Некоторые из последних, выступившие на стороне Австрии, были аннексированы. Другие вынуждены были подписать с Берлином соглашения об оборонительном и наступательном союзе. В 1867 году германские государства к северу от реки Майн объединились в конфедерацию — Северогерманский союз. Его главой был прусский король; у конфедерации была единая армия, единая внешняя политика и в значительной степени единая законодательная система. Что еще более важно, у нее появился тот самый единый

парламент — рейхстаг с всеобщим (для мужчин) и равным избирательным правом.

Австро-прусская война была исключительно непопулярной в немецком обществе — ровно до первых побед прусского оружия. Как это часто бывает, первые успехи произвели во многих умах поворот на 180 градусов. Из самого ненавистного человека в Германии Бисмарк за считанные недели превратился в едва ли не самого популярного. Его противники в «конституционном конфликте» — либеральная оппозиция — в итоге раскололись. Да, Бисмарк — консерватор, говорили многие, но он уже сделал для германского единства больше, чем все либералы и революционеры! 3 сентября 1866 года депутаты прусского парламента подавляющим большинством голосов приняли закон о так называемом индемнитете — освобождении правительства от ответственности за неконституционные действия в предшествующие годы. Внутриполитический конфликт завершился, и завершился он победой Бисмарка.

Глава прусского правительства поразил своими действиями как друзей, так и врагов. Впрочем, многие из тех, кто еще

недавно входил в число самых ярых противников Бисмарка, стали его пламенными приверженцами. И напротив — бывшие сподвижники превращались в оппонентов, считая, что глава правительства безответственно заигрывает с огнем революции. «Если революции суждено быть, то лучше мы совершим ее сами», — говорил по этому поводу Бисмарк. Он проводил революционные по своей сути преобразования, чтобы сохранить власть монарха и традиционной элиты. Бисмарк понимал, что необходим компромисс между старым и новым, между консерваторами и либералами. Неслучайно проведенные им преобразования получили название «революции сверху», а сам он был назван одним из биографов «белым революционером».

К 1867 году Бисмарку удалось одержать решительную победу и максимально укрепить свое положение на посту главы правительства. Ему удалось провести в жизнь свои идеи как во внутренней, так и во внешней политике. Что будет дальше? Объединение Германии — уверенно ответят многие. Как это часто бывает с позиции послезнания, образование Северогерманского союза

позднее представлялось лишь временной, промежуточной стадией на пути к немецкому единству. Сам Бисмарк видел ситуацию иначе: он говорил, что надо «сначала обустроить дом, а потом уже думать о его расширении». Вопрос о том, удастся ли объединить Германию до конца XIX столетия, оставался для него открытым.

Единство

«Обустройством дома» Бисмарк занялся со всей присущей ему энергией. Ее, правда, было уже меньше, чем в лучшие годы. Возраст и перенесенное нервное напряжение давали о себе знать. Пика могущества и популярности Бисмарк достиг, уже будучи не очень здоровым человеком, которого мучили хронические болезни. Головные и желудочные боли, бессонница, расстройства пищеварения — вот далеко не полный перечень его недугов. Ключевой их причиной был постоянный стресс. При этом сам Бисмарк вносил весомую лепту в свои страдания, поскольку вел крайне нездоровый образ жизни. Он ложился и вставал поздно, а о его нечеловеческом аппетите ходили легенды.

Болезни, однако, не помешали Бисмарку написать проект конституции Северогерманского союза. Эта конституция с незначительными поправками продолжила

действовать и после объединения Германии, вплоть до 1918 года. Устройство нового государственного образования было тщательно продумано. С одной стороны, оно представляло собой компромисс между традиционной монархической элитой и усиливающейся буржуазией. С другой — должно было создавать систему, достаточно централизованную, но приемлемую для правителей малых германских государств. Наконец, оно было призвано обеспечить сильную позицию в государственном механизме самому Бисмарку.

Эти цели оказались во многом достигнуты. Северогерманский союз, а затем и Германская империя представляли собой с формальной точки зрения союз государств — княжеств и вольных городов. В ведении их правителей оставался широкий круг вопросов — от местных налогов до системы школьного образования. Это был важный момент: германское единство создавалось не волей народа, а волей князей. Отдельные государства посылали своих представителей в бундесрат — орган, который фактически играл роль верхней палаты парламента

и участвовал в законодательном процессе. Вторым участником этого процесса был общенациональный рейхстаг, без согласия которого не мог быть принят ни один закон. Рейхстаг и бундесрат взаимно уравновешивали друг друга. Поскольку Пруссия являлась крупнейшим из германских княжеств, ее представители составляли самую большую фракцию в бундесрате; этим путем прусский король мог влиять на законодательный процесс. Сам король одновременно был главой всего государства (с 1871 года — германским императором) и обладал широкими полномочиями: командовал вооруженными силами, руководил внешней политикой, мог объявлять войну и заключать мир. В этих областях монарх мог вести себя как абсолютный правитель. Он же без всякого участия парламента назначал единственного министра — союзного (а впоследствии имперского) канцлера. У канцлера не было коллег-министров, которые обладали бы правом голоса на заседаниях кабинета (как это было в Пруссии). Ему подчинялись чиновники — статс-секретари, обязанные выполнять все его указания. Позиция канцлера была

ключевым связующим элементом между остальными органами власти; ее сравнивали с шарниром, вокруг которого вращалась вся система. Неудивительно, что этот пост Бисмарк оставил себе. Единственным слабым местом канцлера была его полная зависимость от расположения монарха. Однако пока на престоле находился Вильгельм I, это не было проблемой для Бисмарка.

Здесь перед нами со всей остротой встает вопрос о достижениях Бисмарка как создателя государства. Созданный им механизм мог хорошо работать только до тех пор, пока на посту канцлера находился он сам, а на троне — полностью доверявший ему монарх. Стоило смениться действующим лицам, как в механизме практически неизбежно возникали серьезные проблемы. Однако Бисмарк не создал систему, которая могла бы успешно пережить его — да, судя по всему, не ставил перед собой такой задачи. Он проявил себя в этом вопросе как блестящий тактик, но не стратег. Впрочем, масштабные политические деятели в принципе нечасто оставляют себе как достойных преемников, так и прочные, устойчивые структуры.

Во внутренней политике конец 1860-х годов стал временем бурной законотворческой деятельности — создавалась общая для Северогерманского союза нормативная система. Серьезных конфликтов между правительством и парламентом практически не было, Бисмарк опирался на поддерживавшее его консервативно-либеральное большинство. Сложнее обстояли дела во внешней политике. Усиление Пруссия все-речь тревожило ее соседей, в первую очередь Париж. Наполеон III изначально надеялся на то, что Пруссия станет сателлитом Франции, однако к 1867 году эти надежды рассеялись, как дым. Окончательно испортил отношения разразившийся в этом году Люксембургский кризис: покупка Францией герцогства Люксембург была фактически сорвана пруссаками. После этого в Париже видели в Пруссии опасного конкурента в борьбе за влияние в Европе. Значительная часть французской правящей элиты считала предстоящее военное столкновение неизбежным и даже желательным. Однако и Наполеон III, и Бисмарк готовы были начать войну только при наличии благоприятных условий.

Искрой, которая привела к европейскому взрыву, стал «испанский вопрос». В 1868 году испанцы свергли свою королеву Изабеллу. На смену ей было решено пригласить другого монарха. Рассматривалось несколько кандидатур; одним из главных «фаворитов» в Мадриде был принц Леопольд, дальний родственник прусского короля. Узнав об этом, Бисмарк приложил все усилия для того, чтобы поддержать этот выбор. Во многом благодаря настойчивости «железного канцлера» колебавшийся принц дал наконец свое согласие.

Бисмарк не мог не понимать, что появление родственника прусского короля на испанском престоле вызовет во Франции весьма сильную негативную реакцию. Историки до сих пор спорят о том, на какой результат рассчитывал искушенный дипломат. В любом случае, когда летом 1870 года вся история выплыла наружу, в Европе разразился острейший международный кризис.

В Париже и власти, и общество кипели негодованием. Французское правительство потребовало снять кандидатуру принца. Вильгельм I, не желавший войны, согласился с требованиями Парижа. Однако

руководитель французской внешней политики герцог Грамон хотел нанести Пруссии еще более чувствительное дипломатическое или военное поражение. Из Парижа последовало новое унижительное требование: прусский король должен дать гарантию, что представитель его династии никогда не будет претендовать на испанский престол без согласия французов.

Для Вильгельма I это было слишком, однако он все же постарался не доводить ситуацию до открытого конфликта. Иначе повел себя Бисмарк: настойчивость Грамона позволила ему превратить назревавшее дипломатическое поражение в победу. Информация о французских требованиях и отказе короля обсуждать их была передана в печать. Этот документ, получивший название «Эмской депеши», стал для французов поводом 19 июля объявить войну Пруссии.

Бисмарк достиг своей цели: Франция выступила в роли агрессора, и Пруссия могла опереться на помощь всех германских государств, включая те, которые не входили в Северогерманский союз. Россия, где рассчитывали под шумок пересмотреть

унизительные статьи Парижского мира, заняла позицию благожелательного по отношению к Пруссии нейтралитета. Австрия и Италия, на помощь которых надеялись в Париже, предпочли выжидать. В целом в Европе рассчитывали, что война будет затяжной. Неудивительно, ведь французская армия на тот момент пользовалась репутацией лучшей в мире.

Тем больше был всеобщий шок, когда в течение шести недель лучшей в мире армии был поставлен шах и мат. К началу сентября Наполеон III оказался в плену вместе с половиной своих солдат и офицеров, а другая половина была намертво блокирована в крепости Мец. Этому предшествовал ряд кровопролитных сражений. Бисмарк отправился на театр военных действий вместе с королевской главной квартирой; здесь же, но в рядах гвардейских драгун, находились оба его сына. XIX век был эпохой, когда сыновья высокопоставленных сановников еще рисковали своими жизнями в войнах, развязанных их отцами. После одного из сражений Бисмарк получил известие о том, что один его сын убит, а другой серьезно ранен. К счастью, слухи оказались

преувеличенными: ранение, к тому же не самое тяжелое, получил только один из них. Военному министру Роону повезло меньше — его сын пал под Седаном.

Казалось, теперь война должна была закончиться. Однако в Париже произошла революция, монархия была свергнута (в последний раз во французской истории). Новые республиканские власти были готовы подписать мир, но только при условии сохранения территориальной целостности Франции. Однако на это уже не были согласны немцы, видевшие в происходящем попытку лишить их заслуженных плодов победы. В частности, практически общепризнанной целью стало приобретение Эльзаса и Лотарингии — бывших территорий Священной Римской империи германской нации, присоединенных к Франции в XVII—XVIII веках. Французы с немалым успехом взялись за формирование новых армий, и война в итоге продлилась еще пять месяцев — до тех пор, пока в Париже не согласились признать свое поражение и подписать мир на немецких условиях.

Все это время основной задачей Бисмарка было не допустить вмешательства

в конфликт других европейских держав. «Железный канцлер» блестяще справился с этим. Одновременно он вел переговоры с южнонемецкими княжествами об окончательном объединении Германии. В результате 18 января 1871 года в Версальском дворце, на территории почти поверженного противника, было провозглашено создание Германской империи. А спустя две недели было подписано и перемирие с Францией.

Впоследствии только ленивый не покриковал «железного канцлера» за то, что он отстаивал аннексию Эльзаса и Лотарингии. Ведь французы так и не смирились с этой потерей — отношения соседей по Рейну оказались испорчены на много десятилетий, что создавало массу сложностей для германской внешней политики. Сам Бисмарк впоследствии утверждал, что не мог пойти против немецкого общественного мнения, громко требовавшего «возвращения исконных земель». В реальности все было сложнее. Имевшийся на тот момент опыт свидетельствовал, что великодушные победителей совсем не гарантирует благодарность побежденных. Эльзас-Лотарингия была той синецой

в руке, которая выглядела однозначно предпочтительнее призрачного журавля французской дружбы. К тому же аннексии требовали военные, считавшие, что новую границу будет легче защитить при очередном (неизбежном, по их мнению) французском вторжении. И наконец: приобретение Эльзаса и Лотарингии серьезно облегчало процесс объединения страны. Глава гессенского правительства фон Дальвиг, противник прусской гегемонии и Бисмарка, писал: «Если Пруссия одержит решительную победу и возьмет Эльзас и Лотарингию, ни сам король Вильгельм, ни мы не сможем избежать провозглашения его императором». Аннексия оказалась ошибкой в свете последующих событий — но это решение ни в коей мере нельзя назвать ошибочным в ситуации 1870 года.

Жонглер

Вильгельм I стал императором, а Бисмарк — имперским канцлером. Его слава достигла зенита; его не без веских на то оснований называли самым влиятельным человеком Европы. У руля Германской империи «железный канцлер» находился без малого два десятилетия. Это время получило в немецкой истории название «эпохи Бисмарка». Однако если объединение Германии всегда рассматривалось как безусловная история успеха, то деятельность Бисмарка после 1871 года удостоивалась более сдержанных оценок, а затем и вовсе стала объектом критики. В современной Германии фигура «железного канцлера» оценивается двояко. С одной стороны, признается масштаб его личности и его заслуга в деле объединения страны. С другой — на него возлагается ответственность за формирование авторитарной политической системы и политической традиции, которая

в конечном счете привела Германию к развязыванию двух мировых войн и к «немецкой катастрофе». Порой и вовсе проводится прямой путь «от Бисмарка к Гитлеру». Насколько обоснованными являются подобные обвинения?

Мы не будем во всех подробностях описывать германскую внутреннюю и внешнюю политику «эпохи Бисмарка». Такое описание просто не поместится в рамках небольшой книги, да и не нужно с точки зрения ее целей. Всех интересующихся автор может переадресовать к принадлежащей его перу подробной биографии «железного канцлера», вышедшей двумя изданиями в 2011 и 2018 годах. Сосредоточимся на главном вопросе — вопросе об итогах правления Бисмарка для Германии.

Начнем с того, что с годами стиль руководства «железного канцлера» становился все более авторитарным. Он не только не терпел возражений, но и практически утратил способность прислушиваться к альтернативной точке зрения. Это вполне объяснимо — Бисмарк столько раз шел наперекор общему мнению и в итоге побеждал, что не мог не уверовать в собственную

правоту. Плохо то, что вокруг него не оставалось соратников и сподвижников — только исполнители и слуги. Сам «железный канцлер» временами жаловался на одиночество: «...старые друзья умирают или становятся врагами, а новых уже не приобретаешь», — однако изменять своим привычкам не спешил. В итоге после его ухода с политической сцены в высших эшелонах власти осталась зияющая пустота. Бисмарк не оставил достойных преемников, да и никогда не ставил перед собой такой цели; он невольно воспитал поколение посредственностей, неспособных на самостоятельные действия.

Во внутренней политике его задачей было без помех проводить свою линию, опираясь на послушный парламент. В первые годы существования империи его главной опорой были умеренные либералы. Однако даже самые верные сторонники Бисмарка из этого лагеря не были готовы безоговорочно поддерживать правительство. В этой ситуации «железный канцлер» пустил в ход широко распространенный по сегодняшний день рецепт: создание образа «внутреннего врага». На роль такового

была назначена католическая партия Центра, скептически относившаяся к новой империи и к доминированию в ней Пруссии. Против «ультрамонтанов» была пущена в ход вся мощь правительственной пропаганды: их обвиняли в антигерманских настроениях и сотрудничестве с внешними врагами. Тех, кто поддерживал партию Центра, называли «врагами империи». Так называемая «Культуркампф» — борьба против влияния католической церкви — традиционно считается неудачной, поскольку не привела к снижению популярности партии Центра среди ее сторонников. На самом деле ключевая цель была достигнута — либералы, поддерживавшие «Культуркампф», оказались готовы пойти на существенные уступки правительству. В частности, в 1874 году они согласились на ограничение права парламента ежегодно утверждать бюджет — траты на армию, составлявшие львиную долю общеимперских расходов, были установлены на семь лет.

Однако сотрудничество с умеренными либералами вскоре подошло к своему финалу. Для Бисмарка оно с самого начала было «браком по расчету». Он вовсе не

собирался идти на постепенную либерализацию политической системы, на которую рассчитывали его союзники. Кроме того, влиятельные бизнес-элиты требовали изменения экономической политики и введения высоких покровительственных пошлин — шаг, неприемлемый с точки зрения либеральных принципов свободной торговли. В конце концов «железный канцлер» решился на разрыв с либералами. Вопрос заключался в том, на кого опереться в этой ситуации. Консерваторы не составляли большинства в парламенте; необходимо было примирение с партией Центра, и «Культуркампф» оказался быстро свернут.

На роль новых «врагов империи» были назначены социал-демократы, находившиеся еще в самом начале своего развития. В 1878 году очень кстати произошли два покушения на Вильгельма I, которые удалось приписать «красным». Воспользовавшись ими, Бисмарк в том же году провел через рейхстаг закон о запрете деятельности социал-демократических организаций. А в 1879 году «внутриполитический поворот» увенчался быстрым ростом

таможенных пошлин и окончательным завершением «либеральной эры».

Расчет «железного канцлера», впрочем, оправдался не полностью. Партия Центра так и не пошла на полное примирение с ним; социал-демократы, несмотря на все гонения, обладали все большим влиянием. Консерваторы и немногочисленные либералы, сохранявшие, несмотря ни на что, верность Бисмарку, были весьма далеки от господства в рейхстаге. В итоге Бисмарк не мог опереться на устойчивое парламентское большинство, и многие его планы оказались сорваны. Так, неудачей окончилась попытка провести реформу налогообложения. Большие коррективы рейхстаг внес в социальное законодательство, с помощью которого Бисмарк рассчитывал добиться лояльности немецких рабочих государству и отвлечь их от поддержки социал-демократии. «Железный канцлер» попытался ослабить рейхстаг, создав «параллельный парламент» — Народный экономический совет из представителей различных отраслей экономики, — однако и здесь его постигла неудача. Только в 1887 году, на фоне бушевавшей в Европе

«военной тревоги», на выборах победила поддерживавшая Бисмарка коалиция — «картель», — однако она просуществовала меньше трех лет.

Итогом «эпохи Бисмарка» стало не просто формирование авторитарной политической традиции, в рамках которой политические партии и парламент были в значительной степени лишены реальной власти. Практика борьбы с «врагами империи» оставила после себя глубокий раскол немецкого общества, который не удалось преодолеть вплоть до середины XX века. На этот же период приходится бурное развитие консервативного, «правого» национализма, которое канцлер стремился поддерживать и использовать в своих целях.

Если в сфере внутренней политики Бисмарку приходилось бороться с оппозицией, то в области внешней политики его господство было безраздельным. Он мог фактически в одиночку определять действия германской дипломатии. Однако и здесь итоги его деятельности как минимум неоднозначны.

Свою главную задачу Бисмарк видел в том, чтобы обеспечить безопасность Германской империи. Положение государства

в центре Европы, в окружении других великих держав, он справедливо считал вполне уязвимым. Главным противником, безусловно, оставалась Франция. Поскольку Германия была после 1871 года сильнейшей из великих держав, одного врага можно было не опасаться. Реальной угрозой была коалиция противников; сам Бисмарк говорил о «кошмаре коалиций», который постоянно мучает его. Соответственно, главной задачей было не допустить формирования такой коалиции — или, говоря проще, не позволить Франции найти союзников. Проблема заключалась в том, что эта цель противоречила логике баланса сил и в принципе не имела долгосрочного решения.

Тем не менее, поначалу Бисмарку удалось добиться некоторых успехов. В 1873 году Германия, Австро-Венгрия и Россия образовали Союз трех императоров. Это был чисто консультативный пакт, имевший скорее моральное, чем реальное значение, однако изоляцию Франции он обеспечивал. И в Вене, и в Петербурге предпочли бы двусторонний союз с Берлином — противоречия двух держав на Балканах никуда не делись. Однако Бисмарку удалось добиться

своей цели. Он стремился не дать своим союзникам сблизиться между собой слишком сильно и одновременно не дать им поспориться окончательно. Это был хрупкий баланс, поддерживать который мог только настоящий мастер дипломатической игры. Сам Бисмарк обозначал свою цель как «создание такой политической ситуации, в которой все державы, кроме Франции, нуждаются в нас и будут воздерживаться от направленных против нас коалиций из-за существующих между ними разногласий». Это означало — разжигать конфликты на периферии европейской системы, в то же время не допуская большой войны, в которую Германия оказалась бы вовлечена. Такая задача, опять же, не имела стабильного решения и требовала постоянных тактических маневров для поддержания неустойчивого равновесия. Неслучайно Бисмарка часто сравнивают с искусным жонглером, который умудрялся держать в воздухе несколько шаров одновременно. Проблема заключалась в том, что даже самый опытный жонглер рано или поздно совершает ошибку — либо на смену ему приходит другой, не столь умелый преемник.

Первую ошибку Бисмарк допустил уже в 1875 году, начав распускать слухи о неизбежной скорой войне с Францией и устроив тем самым первую «военную тревогу». Историки по сегодняшний день спорят о его мотивах. В любом случае, и в Петербурге, и в Лондоне отреагировали мгновенно, заявив, что не допустят нового разгрома французов. Принцип «Европейского концерта» снова работал. «Железному канцлеру» пришлось признать поражение. А в следующем году уже бушевал во всю мощь Восточный кризис, который поставил Россию и Австро-Венгрию на грань конфликта. Союз трех императоров фактически прекратил свое существование. Победа России над Османской империей в войне 1877–1878 годов еще больше обострила обстановку в Европе.

Бисмарку пришлось выступить посредником — «честным маклером» — на Берлинском конгрессе, где впервые за долгое время собрались вместе все ведущие деятели европейской политики. В итоге был достигнут компромисс, однако России пришлось отказаться от некоторых плодов своей победы. Вину за это в Петербурге

не вполне справедливо возложили на Бисмарка и немцев. Александр II отправил Вильгельму I, который приходился ему дядей, резкое письмо, обвиняя в черной неблагодарности. Не улучшило отношений и введение немцами в 1879 году высоких сельскохозяйственных пошлин, больно ударивших по российскому хлебному экспорту.

На этом фоне в конце 1879 года Бисмарк заключил с Австро-Венгрией оборонительный союз против России. «Железный канцлер» хотел закрепить за Германией хотя бы одного надежного союзника. Впрочем, «провод в Петербург» он тоже не разорвал. В 1881 году удалось восстановить Союз трех императоров – российская сторона пошла на это, опасаясь остаться в изоляции. На следующий год система союзов Бисмарка была дополнена Тройственным союзом с Австро-Венгрией и Италией, направленным против Франции и России. Сложно складывались отношения с Британией; обе стороны были не против сотрудничества, однако не хотели брать на себя хоть сколько-нибудь серьезные обязательства. В частности, Бисмарк совершенно не

горел желанием ввязываться в конфликт с Россией из-за английских интересов. В середине 1880-х годов в отношениях Берлина и Лондона даже произошло заметное охлаждение из-за того, что Германия приобрела ряд колоний в Африке.

Во второй половине 1880-х годов события на Балканах привели к началу нового серьезного европейского кризиса. Балканский полуостров к тому времени окончательно превратился в «пороховой погреб Европы» — неслучайно именно здесь в 1914 году произойдут события, в результате которых начнется Первая мировая война. Бисмарк не раз во всеуслышание заявлял, что Балканы «не стоят костей даже одного померанского мушкетера», однако происходившее в регионе не могло не затрагивать германские интересы. Вновь резко обострились российско-австрийские отношения, Союз трех императоров окончательно канул в Лету. Одновременно во Франции усилились реваншистские настроения. В 1887 году казалось, что до войны между Австрией и Германией с одной стороны и Францией и Россией с другой остается один шаг.

Новую «военную тревогу» удалось, тем не менее, благополучно завершить. Между Германией и Россией было подписано секретное соглашение о нейтралитете — так называемый «договор перестраховки». В том же 1887 году без прямого участия Германии, но при активном содействии Бисмарка была создана «Средиземноморская Антанта» — система англо-австро-итальянских соглашений, направленных на поддержание существующего положения на Балканах и сдерживание России.

При взгляде на карту сеть союзов, сплетенная Бисмарком, выглядит впечатляюще. Берлин был прямо или косвенно связан соглашениями со всеми великими державами, кроме Франции, и рядом второстепенных. На деле эта сеть была исключительно хрупкой, а договоренности все сильнее противоречили друг другу если не по букве, то по духу. Долговременного решения проблемы германской безопасности найти так и не удалось, пространство для маневра медленно, но верно сужалось. Проявив выдающийся политический талант и изобретательность, Бисмарк, тем не менее, так и не смог справиться с системными

проблемами, стоявшими перед единой Германской империей в сфере как внутренней, так и внешней политики.

Осень патриарха

В 1887 году императору Вильгельму I исполнилось 90 лет. Это было поразительное долголетие, однако все понимали, что рано или поздно он все же отойдет в мир иной. Смена монарха не сулила Бисмарку ничего хорошего: наследник престола, кронпринц Фридрих Вильгельм, был известен своими либеральными симпатиями. Однако в марте 1888 года, когда Вильгельм I скончался, его преемник был уже смертельно больным человеком. Императору Фридриху III было отведено судьбой лишь 99 дней на троне. Летом того же года на престол вступил его 29-летний сын, Вильгельм II, которому суждено было стать последним германским императором.

Молодой монарх отличался консервативными пристрастиями, и, казалось, положению Бисмарка теперь ничто не угрожало. «Железный канцлер» рассчитывал играть роль наставника и ментора при

Вильгельме II, сохранив за собой всю полноту власти. Однако новый император, самолюбивый и убежденный в собственной гениальности, хотел править самостоятельно. Играть при Бисмарке ту же роль, что и его дед, он не собирался.

Разрыв между кайзером и канцлером был неизбежен, однако Бисмарк сам в значительной степени ускорил его. К концу 1880-х годов его внутренняя политика зашла в тупик. «Картель» фактически развалился, а парламент отказался продлить срок действия закона против социал-демократии. В этих условиях канцлер начал подталкивать Вильгельма II к радикальным мерам, граничившим с государственным переворотом. Бисмарк рассчитывал, что острый кризис вновь, как это бывало уже не раз, поможет ему, позволив сохранить власть. Однако молодой император вовсе не собирался начинать свое правление с масштабного внутривластного конфликта, в котором справедливо не видел особой необходимости. В марте 1890 года Бисмарк был в достаточно унижительной форме отправлен в отставку.

«Железный канцлер» удалился в свое имение. Он не простил своей отставки. Вильгельм II обрел в лице Бисмарка могущественного врага, опасного не только при жизни, но и после смерти. Старый политик занялся созданием легенды о самом себе — мудром государственном деятеле, творце национального единства, который вел страну верным курсом. Он написал три тома воспоминаний — блестящее литературное произведение, автор которого, однако, весьма вольно обращался с реальными фактами. Бисмарк не уставал критиковать правительство — к примеру, за отказ от продления «договора перестраховки» с Россией, итогом которого стало заключение русско-французского союза. При этом он — как и его поклонники впоследствии — предпочитал не вспоминать о том, что сам подтолкнул Петербург к сближению с Парижем, когда в конце 1887 года приказал Имперскому банку прекратить прием российских ценных бумаг в качестве залога. Если ранее главным финансовым рынком для России являлся Берлин, то после этого необдуманного шага его место занял Париж, что не могло не иметь политических последствий.

Популярность Бисмарка быстро росла. Его поездка в Вену на свадьбу старшего сына в 1892 году превратилась в настоящее триумфальное шествие по городам Германии. Когда «железный канцлер» в 1898 году скончался в своем имении, легенда о нем уже сложилась. Она надолго пережила его самого; чем больше ошибок совершал Вильгельм II, тем выше поднимался в глазах немецкой общественности его противник. Многие впоследствии считали, что если бы Бисмарк не был отправлен в отставку, то Германии удалось бы избежать катастроф первой половины XX века. Лишь после Второй мировой войны отношение к «железному канцлеру» стало более дифференцированным. В реальности придавать отставке Бисмарка судьбоносное значение нет никаких оснований: как уже говорилось выше, он не оставил после себя ни достойных преемников, ни надежных, устойчивых структур. Основа для последующих кризисов была заложена уже в период его правления.

Тем не менее, Бисмарк, безусловно, является одним из самых выдающихся политиков в мировой истории. Его жизнь может

считаться эталонным примером «истории успеха»: юноша из небогатой и не слишком родовитой семьи смог стать едва ли не самым могущественным человеком в мире конца XIX века. Какие качества Бисмарка обеспечили ему этот стремительный взлет?

К числу характерных черт «железного канцлера» относились, безусловно, его интеллектуальная гибкость, способность адаптироваться к меняющимся обстоятельствам, просчитывать разные варианты и быстро использовать представляющиеся возможности. «Политика, — говорил он сам, — это не точная и не логическая наука, а способность в меняющейся ситуации выбирать каждый раз наименее губительный или наиболее целесообразный вариант». Важным козырем Бисмарка была его способность отстаивать свою точку зрения вопреки мнению большинства, идти избранным курсом, невзирая ни на какие преграды. Уверенный в своей правоте, он был готов рисковать и в большинстве случаев выигрывал, даже если не все его планы венчал успех. Бисмарк умел терпеливо ждать благоприятной возможности: «Необходимым качеством государственного

деятеля является терпение. Он должен уметь ждать, пока не наступит подходящий момент, и не должен спешить, даже если искушение велико». Именно это умение использовать благоприятные «окна возможностей» было едва ли не самым сильным козырем выдающегося политика.

Без этого набора талантов Бисмарк никогда не смог бы подняться к вершинам власти. Но восхождение не состоялось бы и в том случае, если бы ему не благоприятствовали объективные обстоятельства. В другую эпоху Бисмарк при всех своих дарованиях остался бы неординарным сельским помещиком, для имени которого не нашлось бы места на страницах истории. Большие потрясения, внутривластные кризисы и «окна возможностей» на международной арене раз за разом создавали ситуацию, в которой он мог проявить себя и продвинуться ближе к своей цели. Сам «железный канцлер» прекрасно понимал это. «Самому нельзя ничего создать, — сказал он однажды. — Можно лишь ожидать, пока не послышатся шаги Всевышнего, и тогда прыгнуть и ухватиться за край его одежды — в этом вся суть». Эту мысль он

повторял не раз: «Я не настолько самоуверен, чтобы верить, что кто-то может делать историю. Моя задача — наблюдать за ее течением и вести по нему свой корабль в меру сил. Самим течением я не могу управлять, не говоря уже о том, чтобы вызывать его».

Вместо эпилога

Бисмарк и война против России*

Уже при жизни Бисмарк являлся фигурой, хорошо известной во всем мире. Большое внимание уделялось его деятельности и в России. Причем если при жизни «железного канцлера» оценка его политики нашими соотечественниками была достаточно неоднозначной, то в XX веке, после смерти, он постепенно превратился в символ российско-германской дружбы и взаимопонимания. Русофилом Бисмарк, разумеется, не был, но на фоне двух разрушительных мировых войн отношения двух стран в период его правления могли действительно показаться едва ли не образцом гармонии.

* Эта глава была впервые опубликована в качестве отдельной статьи в журнале «Клио» (2017, №2). В оригинальной статье имеются ссылки на источники цитат, которые в данном тексте удалены по стилистическим соображениям.

В послевоенном Советском Союзе интерес к Бисмарку дополнительно подхлестнуло появление романа Валентина Пикуля «Битва железных канцлеров» (под вторым «железным канцлером» понимался Александр Михайлович Горчаков). Как и другие книги Пикуля, этот роман стал бестселлером и во многом сформировал образ Бисмарка в современном российском массовом сознании: противник России, однако уважающий ее мощь и считающий необходимым сохранение с ней добрых отношений — не из любви, а из жизненных интересов.

После этого фигура Бисмарка продолжала оставаться популярной — из зарубежных государственных деятелей XIX века с ним мог бы поспорить разве что Наполеон I. За последние 25 лет увидело свет несколько переизданий мемуаров Бисмарка; две отечественные и четыре переводные биографии; целый ряд работ, посвященных отдельным аспектам его деятельности (в том числе две книги о его пребывании в Петербурге). Как это часто бывает, миф о Бисмарке жил своей жизнью и продолжал развиваться. Из мудрого

и осторожного противника, каким он предстает у Пикуля, Бисмарк превратился в русофила. В 2014 году широкое хождение в Интернете получил текст под названием «Письмо Бисмарка к Меркель», в котором покойный канцлер предупреждал свою современную коллегу о недопустимости ухудшения отношений с Россией.

Еще большую известность получили несколько фраз о России, приписываемых Бисмарку. За последние годы они настолько прочно вошли в обиход, что даже профессиональные историки порой бездумно цитировали их в своих трудах. Речь идет в первую очередь о двух фразах. К первой — «Никогда не воюйте с Россией» — иногда добавляют: «потому что на каждую вашу хитрость она ответит непредсказуемой глупостью». А вот и вторая: «Русских невозможно победить военным путем. В этом мы убедились за сотни лет. Но можно привить ложные ценности, и тогда они победят сами себя».

Возможно, читатель будет разочарован, узнав, что речь идет об апокрифах, придуманных отечественными мифотворцами. Но, может быть, Бисмарк все-таки говорил

нечто подобное? Как он вообще относился к России и к возможной войне против нее? Попробуем разобраться.

Прежде чем приступить к непростым поискам «чего-то подобного», следует учесть одно весьма важное обстоятельство. Бисмарк был в первую очередь политиком и дипломатом. Как устные выступления, так и тексты, выходившие из-под его пера, были ориентированы главным образом на достижение актуальных политических целей. Поскольку эти цели с течением времени менялись, мы можем обнаружить в них совершенно различные, иногда противоречащие друг другу утверждения. Это вполне нормально, поскольку задачей Бисмарка в каждом конкретном случае было не излить свою душу, а произвести определенное впечатление на аудиторию. Однако именно в силу этого обстоятельства анализ действительных взглядов «железного канцлера» представляет собой весьма непростую задачу, а все сказанное и написанное им нельзя рассматривать вне конкретного исторического контекста. Считать любую произнесенную Бисмарком фразу отражением его истинных воззрений — все равно,

что приписывать автору художественного произведения мысли и чувства каждого из его героев.

Начнем с мемуаров «железного канцлера». В них он достаточно часто обращается к российско-германским отношениям. Так, описывая свое пребывание на дипломатическом посту в Петербурге, Бисмарк отмечал: «С Россией у нас никогда не будет необходимости воевать, если только либеральные глупости или династические промахи не извратят положения». Далее он посвятил отношениям с Россией целую главу, в которой, в частности, писал следующее: «Германская война предоставляет России так же мало непосредственных выгод, как русская война Германии». В последнем, третьем томе своего труда Бисмарк характеризовал возможную войну с Россией как «тяжелое и бесплодное бремя» для германского народа.

Вторым важным источником на русском языке являются две пространные публикации в газете «Новое время», написанные российскими журналистами по итогам своих встреч с Бисмарком в 1890 году, вскоре после отставки «железного канцлера».

В обоих случаях российских собеседников интересовали в первую очередь взгляды Бисмарка на российско-германские отношения. Тексты этих статей (в переводе) были частично опубликованы в различных немецких изданиях сочинений, писем, речей и разговоров Бисмарка.

«Я всегда и всегда искренне был против войны с Россией, — говорил Бисмарк своему собеседнику. — Если кто думает, что воевать с Россией не страшно, то сильно ошибается; это в Занзибаре вести войну не опасно, а в России очень опасно, да и не к чему. Другое дело оборонительная война, если бы Россия ворвалась в Германию <...> но иначе воевать с Россией опаснее, чем с кем бы то ни было. И это помимо количества ваших войск и их боевой готовности. Нет, тут и кроме того — и зима, и огромные пространства — это ужасное орудие, которое ничем не удовлетворишь и никак не отнимешь, и эти деревянные дома, которые ничего не стоит выстроить снова, а главное, самое сильное и непобедимое — это личное качество русского благородного народа, всегда преданного и довольного как тем, что он имеет, так и своим настоящим

вообще, и сумма всего этого — всего этого чудовищного оружия — гарантирует вас вполне от всякой наступательной войны. Да наконец, что нам нужно у России или России у нас? Миллиардов ни мы от вас, ни вы от нас ни в коем случае не добудем <...> Приобретение чего бы то ни было за Мемелем есть уже преступление, и не против вас, конечно, а против самой Германии, ибо завладение Остзейским краем, как платоническое стремление с нашей стороны еще понятно, но ведь оно без Польши немыслимо, а тогда бы у нас было 9 миллионов поляков, а в общем в Германии около половины населения оказалось бы католическим, словом, Германия сама бы себе устроила погибель». В ответ на вопрос русского журналиста, исключает ли Бисмарк вероятность русско-германской войны, «железный канцлер» ответил: «Да, абсолютно исключая всякую разумную возможность такого конфликта». Те же мысли Бисмарк повторил чуть позже: «Я совершенно недоумеваю, когда выслушиваю мнение о возможности войны между Германией и Россией. Поставим вопрос на реальную почву. Какую компенсацию, какое вознаграждение

могла бы получить страна, одержавшая верх? <...> Если бы верх одержала Германия, нам пришлось бы взять от вас поляков, а их у нас и без того много, более чем было бы желательно. <...> Нашим же войскам пришлось бы идти по опустошенной стране с плохими дорогами на необозримых пространствах. Я уже не говорю о том, что примеры Карла XII и Наполеона не способны поощрить к войне с Россией. Качества русского солдата, его личная доблесть, храбрость, выносливость ко всякого рода лишениям также хорошо известны. При таких ли элементах бросаются в войну люди, у которых бог еще не отнял разума?»

Из этих (и других) высказываний «железного канцлера» можно, конечно, вывести формулу «никогда не воюйте с Россией». Но ни о какой «непредсказуемой глупости» или «прививании ложных ценностей» речь не идет, а слово «непобедимый» Бисмарк употребил всего лишь один раз — характеризуя при этом не возможность военного успеха, а устойчивость определенных качеств русского народа. Более того, «железный канцлер» в обоих случаях предельно четко объяснил, почему Германии

не следует воевать с Россией: в силу абсолютной бессмысленности такого вооруженного конфликта.

Однако и к мемуарам, и к интервью Бисмарка следует относиться весьма осторожно. Беседуя с российскими журналистами, вышедший в отставку государственный деятель порой делал заявления, столь далекие от реальности, что это было очевидно даже многим современникам. Рассказывая о Берлинском конгрессе, Бисмарк утверждал, что «прямо считал себя на службе России, исполнял все желания русских уполномоченных, отстаивал все их требования»; говоря о возможности превентивной войны против России, заявлял, что «об этом у нас никто и не думает». Почему «железный канцлер» стремился подчеркнуть свое расположение к России и создать образ преданного и верного друга, который и помыслить не может о конфликте с восточной соседкой?

Объяснение лежит на поверхности. Как уже говорилось выше, отправленный в отставку Бисмарк не смирился со своим положением и не оставил надежд вернуться к власти. Для этого нужно было не

только критиковать своего преемника, но и создавать себе имидж единственного государственного деятеля, способного обеспечить европейский мир. Тема российско-германских отношений подходила для этого больше всего. «Железный канцлер» знал, что практически сразу же после его отставки «провод в Петербург» был разорван — Каприви отказался от продления «договора перестраховки» 1887 года. Это позволило Бисмарку обвинить своих преемников в том, что они легкомысленно разрушили с таким трудом взлелеянные им хорошие отношения с Россией, поставив тем самым под угрозу безопасность Германской империи. Он умело играл на беспокойстве, которое вызвала в европейских столицах, в том числе в Петербурге, его отставка. Беседуя с российским журналистом, Бисмарк поведал ему трогательную историю о заверениях, которые он дал «Государю одного из первостепеннейших государств Европы» (имелся в виду Александр III, что, естественно, ни для кого не было тайной), будто бы спросившему его: «Князь, я вам верю, но вы сами уверены ли в прочности вашего

положения?» Бисмарк, по его словам, заверил августейшего собеседника, что останется на своем посту до конца жизни — и теперь сильно переживал из-за того, что внушил монарху «ложную уверенность».

Одним словом, у нас нет никаких оснований считать, что в своих мемуарах и интервью, которые он давал после выхода в отставку, Бисмарк высказывал свои искренние взгляды на перспективы вооруженного конфликта с Россией. Скорее наоборот — эти тексты следует рассматривать как средство достижения определенных целей, требовавших всячески подчеркивать его расположение к России и неизменное миролюбие.

При описании отношения Бисмарка к России часто приводят отрывок из письма, направленного канцлером 3 мая 1888 года германскому послу в Вене принцу Рейссу. Комментируя высказывание австро-венгерского министра иностранных дел графа Кальноки о том, что в результате войны Россия может быть «разрушена», рейхсканцлер писал: «Такой исход даже после самых блестящих побед совершенно невероятен. Даже благоприятный результат

войны никогда не приведет к подрыву основ российской мощи, которая покоится на миллионах русских греческой веры. Даже если разделить их с помощью договоров, они снова сольются воедино так же быстро, как капли ртути. Эта несокрушимая империя русской нации, сильная своим климатом, своими пространствами и своей неприхотливостью, обладающая тем преимуществом, что только одна ее граница нуждается в защите, после своего поражения станет нашим заклятым, стремящимся к реваншу противником — как сегодняшняя Франция на западе. Тем самым на будущее создалась бы ситуация постоянной угрозы. Возможно, мы будем вынуждены оказаться в такой ситуации, если русские атакуют нас или Австрию. Однако я не могу взять на себя ответственность за добровольное создание подобного положения вещей. „Разрушить“ нацию не удалось в течение 100 лет трем великим державам в отношении более слабой Польши. Жизненная сила русских не меньше; на мой взгляд, с нашей стороны всегда будет лучше рассматривать ее как некую стихийную угрозу, против которой мы можем строить

плотины, но которую не можем устранить. Напав на сегодняшнюю Россию, мы только укрепим ее сплоченность. Однако, выжидая, пока она нападет сама, мы, возможно, скорее дождемся ее распада и разложения, вызванного внутренними причинами. И это произойдет тем раньше, чем меньше мы своими угрозами будем мешать России забираться в тупик Восточного вопроса».

В первую очередь бросается в глаза то, что Бисмарк в этом документе говорит о принципиальной невозможности уничтожения и расчленения России, а не победы в войне. Такую победу он считал вполне возможной. К этой мысли, однако, мы вернемся несколько позднее, а пока вновь обратимся к контексту, в котором создавался процитированный выше документ. Как уже говорилось выше, в 1887–1888 годах в Европе разразилась «военная тревога». Пресса всех стран нагнетала обстановку, во весь голос заявляя о высокой вероятности вооруженного столкновения; сторонники войны резко активизировали свою деятельность. Германская военная элита считала превентивную войну против России абсолютно необходимой. Руководство

Большого генерального штаба даже начало со своими австро-венгерскими коллегами переговоры в обход политического руководства, убеждая Вену в необходимости начать войну и обещая германскую поддержку. В австрийской столице охотно прислушивались к немецким военным. В этой ситуации Бисмарку, только что заключившему секретный «Договор о перестраховке» с Россией, приходилось вести борьбу и против генералов, и против австро-венгерского руководства с целью сохранения мира. Естественно, в его интересах было подчеркивать все мыслимые опасности и проблемы, связанные с превентивной войной.

В течение своей долгой, по меркам XIX века, жизни и не менее долгой карьеры Бисмарк сделал сотни заявлений — как устных, так и письменных, — касавшихся российско-германских отношений в целом и возможного вооруженного конфликта в частности. Из всего этого массива приведенные выше цитаты по своей букве и духу ближе всего к апокрифам, имеющим столь широкое хождение в современной России. Но легко заметить, что смысловая

дистанция между приписываемыми и реальными цитатами остается весьма значительной.

Для того чтобы определить действительное отношение «железного канцлера» к возможной российско-германской войне, невозможно довольствоваться вырванными из контекста цитатами. Необходимо рассмотреть весь комплекс его взглядов по данной проблеме, обратившись в первую очередь к высказываниям, которые неоднократно повторялись в различных ситуациях, а также не были явно продиктованы сиюминутными тактическими интересами «железного канцлера». И здесь перед нами откроется гораздо более сложная картина.

Нужно сразу оговориться: да, германский канцлер действительно не желал вооруженного конфликта с восточной соседкой. Однако вовсе не потому, что верил в непобедимость России. Более того, такая вера в условиях второй половины XIX века выглядела бы довольно странно. Свою последнюю на тот момент войну с державами Западной Европы — Крымскую — Российская империя проиграла и была вынуждена согласиться на унижительные условия

Парижского мирного договора 1856 года. Бисмарк прекрасно понимал, что наряду с большим демографическим потенциалом и обширной территорией, позволяющими русской армии без помех отступить в глубь страны и там наращивать свои силы, у России существуют весьма масштабные экономические и социальные проблемы, которые могут привести к глубокому внутреннему кризису. Именно угроза такого кризиса может заставить российские правящие круги признать свое поражение в ограниченном по масштабам конфликте.

Как раз о такой войне говорили германские военные. Никто из прусских генералов не собирался идти на Москву и уж тем более оккупировать Россию до линии Архангельск — Астрахань. «В войне на востоке нам абсолютно ничего нельзя приобрести, а вторжение в эти бесконечные пустынные земли очень тяжело», — писал в конце 1870-х годов глава Большого генерального штаба Гельмут фон Мольтке. Расчет был на то, что серия поражений вынудит царское правительство во избежание внутреннего кризиса поскорее заключить мир на приемлемых условиях. Это была

вполне реалистичная оценка — именно так российское руководство повело себя и в 1856, и в 1905 году.

Оценка Бисмарком возможностей одержать победу над Россией не слишком отличалась от оценки, которую давал Большой генеральный штаб. И для политического, и для военного руководства в Берлине было почти аксиомой, что любой военный конфликт с Россией неизбежно превратится в войну на два фронта. Вопрос заключался в том, какие выводы следует сделать из этого неприятного факта. Германские военные выступали за превентивную войну. Бисмарк предпочитал сохранение хороших (или, по крайней мере, сносных) отношений с Российской империей, пока такая возможность существует. Сложная дипломатическая игра, которую вел «железный канцлер», была рассчитана в конечном счете на предотвращение крупной войны с участием Германии.

Одним из главных аргументов Бисмарка в спорах со сторонниками превентивной войны была бессмысленность нападения на Россию. «Железный канцлер» полагал, что русскую армию вполне можно

победить, но какие плоды принесла бы Германии такая победа? Никаких территориальных претензий к России у него не было: присоединение польских территорий только усилило бы чужеродный этнический элемент в Германской империи, а прибалтийские территории были бы крайне невыгодным приобретением со стратегической точки зрения. «Что принесет нам эта длинная, выдающаяся далеко вперед полоса земли между морем и Польшей, без всякой глубины — ничто, которое мы получим только в обмен на вечную враждебность России?» — задавал он риторический вопрос в 1867 году. Конtribusiция любого размера не шла по своему значению ни в какое сравнение с дальнейшей враждебностью России. «У России и Германии нет конфликтующих интересов», — фраза, которую Бисмарк неоднократно повторял на протяжении всей своей карьеры.

Бисмарк выступал против войны с Россией не потому, что считал победу невозможной — он полагал невозможной такую победу, которая могла бы принести хоть какие-то плоды. Еще в годы Крымской войны он, находясь на посту прусского

посланника в бундесрате Германского союза во Франкфурте-на-Майне, последовательно отстаивал идею о необходимости избегать «бесплодной войны» с Россией. Эту мысль он потом повторял неоднократно в различных ситуациях, что позволяет считать данные убеждения вполне искренними. «Война против России, даже победоносная, будет <...> нежелательным событием, — писал Бисмарк в январе 1881 года немецкому послу в Вене. — Это опасная война, к тому же война, у которой нет приемлемой для нас цели». «Для Германии, — докладывал канцлер в апреле 1888 года императору Фридриху III, — война с Россией, победоносная или нет, всегда будет большим бедствием».

Но считал ли Бисмарк абсолютно недопустимым объявление Германской империей войны России? Нет, при определенных обстоятельствах он допускал такое, пусть и крайне нежелательное, развитие ситуации. Речь шла, в первую очередь, о возможной австро-русской войне. Серьезное ослабление и даже распад Австро-Венгрии, сопровождающиеся столь же серьезным усилением России, были совершенно не

в интересах Германской империи, поскольку следствием подобных изменений стало бы попадание Берлина в одностороннюю зависимость от Петербурга.

В 1887 году, в период угрозы войны между Австро-Венгрией и Россией, Бисмарк произнес в узком кругу: «Вопрос о том, кто является агрессором, будет при наступлении соответствующей ситуации решен нашим императором». Несколько позднее, в «Мыслях и воспоминаниях», отставной канцлер высказывался более четко: нельзя «приближать германский народ к тяжелому и бесплодному бремени русской войны в большей степени, чем это вызывается нашими собственными германскими интересами и заинтересованностью в целостности Австрии». Это была точка зрения, характерная для Бисмарка и в период нахождения у руля: усиление России как таковое не опасно для Германии, однако разгром русскими Австро-Венгрии недопустим. Последствия подобного разгрома (и распада монархии Габсбургов) были бы столь неблагоприятными для Берлина, что перед ними меркли все отрицательные стороны конфликта с Россией. Еще

в 1876 году в ответ на запрос из Петербурга о том, на чьей стороне будет Германия в случае австро-русской войны, Бисмарк недвусмысленно ответил: «Если, к нашей скорби, мир между Россией и Австрией невозможен, то хотя мы могли бы допустить, чтобы наши друзья проигрывали и выигрывали друг у друга сражения, однако не можем допустить, чтобы одному из них был нанесен столь тяжкий урон и ущерб, что окажется под угрозой его положение как независимой и имеющей в Европе значение великой державы». В ноябре 1879 года канцлер, находившийся в своем имении в Варцине, писал в ведомство иностранных дел: «Русская война сама по себе, и особенно с Францией на заднем плане, для обеих держав [Германии и Австро-Венгрии] всегда будет оставаться событием, которого они имеют все основания избегать, если Россия не нанесет ущерб интересам одной из двух держав. Интересы Германии мы будем считать задетыми, если Австрия будет атакована Россией, и в этой ситуации мы имеем полное право поставить на карту мирное существование Германии».

Этот ряд можно продолжать, однако уже приведенных цитат достаточно, чтобы уверенно утверждать: Бисмарк допускал при определенных условиях как войну против России, так и победу над ней. В целом отношение «железного канцлера» к России и русским было достаточно сложным и неоднозначным и заслуживает отдельного большого исследования, которое еще предстоит осуществить. Во многом «железный канцлер» разделял стереотипы, господствовавшие в Западной Европе. К примеру, в 1868 году в ходе одной из бесед он заявил: «Русские ничего не могут без немцев. Они не умеют работать, но ими легко руководить. У них нет воли к сопротивлению, они следуют за своими господами». То же самое он повторил и восемь лет спустя: «Хорошие, толковые русские все имеют в своей крови иностранную, в первую очередь немецкую, примесь». Среди обилия высказываний Бисмарка о России и русских можно при желании найти и крайне пренебрежительные, и в высшей степени лестные, поэтому любая отдельно взятая цитата не может служить надежным свидетельством его истинных представлений.

В заключение невозможно обойти молчанием вопрос о причинах высокой популярности в нашей стране апокрифов, приписываемых именно Отто фон Бисмарку. На данный счет у автора этих строк имеется следующая гипотеза. В массовом сознании исторические фигуры, в том числе зарубежные государственные и военные деятели, обычно относятся к нескольким стереотипным категориям. Существует, к примеру, категория «смертельных врагов», главной целью которых является уничтожение России (наиболее очевидным примером является Адольф Гитлер, сюда же относятся Наполеон и Батый). Наряду с ним существует другой тип, который можно назвать «не-другом». К этому типу в массовом сознании относятся зарубежные государственные и военные деятели, которые не были друзьями России и относились к ней в целом негативно, однако уважали, побаивались и иногда даже невольно восхищались выдающимися качествами страны и народа. В силу того, что это уважение и восхищение не было основано на симпатии, оно предстает в рамках исторического мифа в качестве высшей

степени объективного суждения. Из числа крупных государственных деятелей прошлого в этой категории в российском массовом сознании находятся две фигуры: Уинстон Черчилль и Отто фон Бисмарк. Их объединяет то, что они, с одной стороны, относились к числу наиболее выдающихся лидеров своего времени, с другой — их деятельность была тесно связана с Россией. Именно поэтому в уста как Бисмарка, так и Черчилля вкладывается большое количество фраз, которых они в реальности не произносили.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Обыкновенная история	7
Революционный лифт.....	20
Дипломат.....	30
Канатоходец	42
Победы.....	52
Единство	71
Жонглер	82
Осень патриарха	96
Вместо эпилога.	
Бисмарк и война против России	103

Николай Анатольевич Власов

ОТТО ФОН БИСМАРК

Путь к вершинам власти

*Директор издательства В. В. Чубарь
Подготовка издания ИП Трофимов В. Ю.*

Подписано в печать 10.07.2019.

Формат 84×108 1/32.

Усл. печ. л. 5,88. Гарнитура «PT Sans».

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Тираж 1500 экз. Заказ № 5429.

ООО «Издательство «Евразия»

197110, Санкт-Петербург,

ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н

Отпечатано с готовых диапозитивов

в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область,

г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru,

8 (495) 988-63-76, т/ф. 8 (496) 726-54-10

Отто фон Бисмарк (1815–1898) являлся, безусловно, одним из самых выдающихся государственных деятелей в мировой истории. Большой интерес представляет, однако, не только его деятельность на посту главы прусского (а затем германского) правительства, но и вопрос о том, как ему удалось пробиться к высотам власти. Казалось, никаких шансов у него нет: небогатый, не слишком родовитый, не пожелавший делать карьеру на государственной службе и удалившийся в свое небольшое поместье, он к тридцати годам выглядел совершенным типом разочарованного в жизни неудачника. Однако следующие два десятилетия его жизни оказались заполнены тяжелой, напряженной, изобиловавшей драматическими поворотами, но в конечном счете исключительно успешной борьбой за власть. Что помогло ему победить в этой борьбе? Ответу на этот вопрос и посвящена данная книга.

ISBN 978-5-8071-0436-6

9 785807 104366

RUSSIAN